

ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
ОПАСНАЯ ИГРА

Макс Брэнд

Опасная игра

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Опасная игра / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

Герои вестернов Макса Брэнда – ковбои, ганфайтеры, шерифы – бесстрашные борцы за свободу и справедливость. Отважный одиночка защитит землю фермера от посягательств банды головорезов в романе «Опасная игра».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Макс Брэнд

Опасная игра

Глава 1

Чистый яд

Когда Джон Милман возвращался домой на Запад, ему не хватало только весны и собственного семейства. Однако к тому времени, как он добрался до Драй-Крика¹, где кончалась железная дорога, в природе все изменилось. Стоило лишь поднять глаза, чтобы убедиться, что весна, словно озорной мальчишка, уже карабкается вверх по склонам гор, слизывает снег с их могучих плеч и покрывает вместо него зеленым ковром молодой травы. А вот с родными оказалось сложнее. Жена и дочь Милмана должны были приехать с ранчо, чтобы забрать его из этого городка, но почему-то вовремя не прибыли.

Именно поэтому Джон метался из угла в угол номера гостиницы, чертыхаясь и проклиная все на свете. Находящийся тут же шериф Лью Уолтере всячески старался успокоить приятеля, уговаривая просто еще немного подождать, повторяя, что через час, в крайнем случае через два, женщины обязательно приедут. А пока лучше всего, считал он, устроиться где-нибудь в уголке и почитать Библию – и время пройдет незаметно, и пользы будет куда больше.

– Но я не видел их полгода! – прохрипел Джон. – Целых полгода!

А как он мог вести себя иначе, если был, что называется, самым обычным переселенцем? И не просто переселенцем – чужаком, что гораздо хуже. Настоящие жители Запада никогда бы не позволили себе такого взрыва чувств. Что ни говори, а со временем все они становились похожими спокойствием и невозмутимостью на своих вечных врагов – индейцев. Однако шериф, которому, как никому другому, было известно об этом человеке все, даже самое худшее, лишь улыбнулся и кивнул.

– Господи, – продолжал беспокоиться Милман, – да за час может случиться все, что угодно! Почему их так долго нет, хотел бы я знать? Элинор всегда пунктуальна, как морской хронометр, да и Джорджия не любит копаться. Значит, дело не в этом. Бог мой, в этих местах за полчаса может случиться всякое! А кстати, Лью, как поживает эта славная парочка, лорд Закон и леди Порядок, его достойная супруга? Они ведь по-прежнему в твоём ведении, не так ли?

– Поправляются, – с серьезным видом ответил шериф. – Правда, не так давно старикам пришлось пережить порядочную встряску, но сейчас уже все позади. Поправляются...

– А что за встряска? Из-за чего?

– Ну как тебе сказать. Видишь ли, считай, что тиф, лихорадка, оспа, дифтерит, белая горячка и жесточайший ревматизм – все эти напасти в один прекрасный день разом напали на наш город. А все потому, что к нам как снег на голову свалился Билли Шей и открыл тут игорный дом. Уж как я ни старался подбодрить наших стариков, как ни уговаривал, что и Закону, и его достойной супруге надо как можно чаще выбираться из дому, все напрасно! Бывало, и носу не высунут за дверь, пока солнце не встанет уже высоко. А как только сядет – шмыг за дверь, и нет их!

– А кто такой Билли Шей? – поинтересовался Милман, забыв на минуту о своих тревогах.

– Шей-то? – усмехнулся шериф. – Да чистый яд, если хочешь знать!

– Как это? – удивился Джон.

---

¹ Драй-Крик – Сухой ручей. (Здесь и далее примеч. перев.)

– Отрава, вот он кто! Дрянь паршивая, вонючий скунс, – без особых реверансов отвел душу шериф. – Один из тех кровожадных негодяев, которые с малых лет умеют улучшить момент, чтобы перегрызть кому-то глотку.

– Тогда почему ты не выдворил его из города?

– У меня нет ничего против него. Проклятье, я прекрасно знаю, что если кто и мутит здесь воду, так это Шей, но не могу найти ни малейшей зацепки. Этот мерзавец скользкий, как ядовитая гадина, а при случае, если вдруг запахнет жареным, умеет, как гадюка, проскользнуть в любую щель.

– А что же люди? Почему его приняли в городе?

– А то ты не знаешь, как это бывает в наших местах? Здесь, на Западе, каждый будто только и мечтает порушить собственное здоровье, испортить глаза, забросить работу да промотать все до гроша, что было на счете в банке! И наш Драй-Крик не исключение! Господи, да в этом городишке все без ума от Билли Шея!

– Неужели не догадываются, что имеют дело с обыкновенным мошенником?

– Бог ты мой, конечно понимают! Только разве ты не знаешь здешних жителей? Неужто такой пустяк сможет их удержать, когда есть возможность сыграть в рулетку и просадить все, что было в карманах? Правда, надо отдать Шею должное – крупной игры у него не бывает и он не дает никому окончательно все спустить. А зачем это ему? Достаточно дать кому-нибудь из наших олухов выиграть три раза подряд – и дело в шляпе! Считаю, этот человек уже на крючке, будет приходить еще и еще, надеясь поймать удачу за хвост. И что ему за дело, что выигрывает лишь один из десяти! Вот такие и стоят горой за Билли Шея! – Лью протянул руку, указывая куда-то через дорогу. – Посмотри, вон дом Билли. И еще есть один – настоящий дворец!

– А я думал, это дом старого судьи Мэхона.

– Нет, судья продал его и переехал в Денвер. Разве ты не знал?

– Новости не доходили до меня целых шесть месяцев, – напомнил ранчиро. – Смотри, кто-то скачет вдоль дороги. И похоже, здорово торопится.

Вдоль улицы стремительно проскакал всадник.

– Может, это известие с ранчо? И плохое? – задыхаясь, пробормотал Джо.

– Бог ты мой, так ведь это сам Билли Шей! – вздрогнул шериф. – Надо же! Прежде никогда не видел, чтобы он так летел сломя голову!

Так в жизни Милмана впервые возник Билли Шей – высокий, но сутулый человек с бледной, вытянутой физиономией, похожей на лошадиную морду. Подъехав к дому, он торопливо спешил, не удосужившись привязать коня, и тот понуро побрел вдоль улицы. А Билли, отперев ворота, ринулся к дверям дома.

Милман и Уолтерс словно завороченные не сводили с него глаз. Вставив ключ в замок, Шей вдруг повернулся и бросил затравленный взгляд вокруг, а потом всем телом прижался к двери, как человек, только что чудом избежавший серьезной опасности, но чувствующий, что смерть все еще дышит ему в спину. Через мгновение он исчез в доме.

– Да, похоже, малый чертовски торопится, – протянул Милман. – Что-то не похож он на того кровожадного бандита, о котором ты тут толковал.

– Да, это верно, – признался шериф. – Сейчас-то по его виду скажешь, что этот парень и мухи не обидит! Но мне приходилось видеть его... – Он вдруг замялся и тяжело вздохнул. – Хотел бы я знать, что за чертовщина с ним стряслась? Ну да ладно, что бы там ни было у него на уме, а я буду не я, если не дознаюсь! Вот бы увидеть того мангуста, которому хватило смелости обратить в бегство такую кобру, как Билли!

И вдруг до них отчетливо долетел скрежет, как если бы кому-то в доме через дорогу пришлось в голову двигать тяжелую мебель, – было слышно, как чиркают по полу ножки стульев и кресел. Бросившись к окну, приятели увидели, как в доме напротив дрогнула тяжелая дверь, будто ее завалили изнутри чем-то очень тяжелым.

– Разрази меня гром, если он не забаррикадировался! – потрясенно проговорил шериф и опустил тяжелую, коричневую от загара ладонь на плечо друга. – Знаешь, старина, мне в голову пришла сумасшедшая мысль! А что, если нам с тобой доведется увидеть кое-что интересное?

– Что именно? – любопытствовал Милман.

– Понятия не имею. Может, за Билли кто-то гонится? Господи всемогущий, да если бы я мог расколоть скорлупу этого крепкого орешка да выудить на Божий свет все тайны, которые скрываются в его грязной душонке, уж я бы поднял на ноги весь наш Драй-Крик, можешь мне поверить!

– Так ты полагаешь, что за ним гонится какая-то банда? Я ничего не слышу.

– Те, кто делает свои дела в темноте, обычно не поднимают шума, – возразил Уолтерс. – Мне доводилось видеть, как полторы сотни человек в масках и с винтовками крались беззвучно, точно привидения. Они появлялись и таяли в ночи, будто призраки смерти, а вслед за ними слышался звон погребальных колоколов. Грошовый гроб и быстрый путь на тот свет для тех, кто не понимает законов Запада, так, кажется, ты говорил? Помнишь, как Шей скатился с лошади? Кубарем, ей-богу, кубарем! В жизни ничего подобного не видел!

– Да, похоже, малый перепуган до смерти, – согласился Джон. – Послушай, а если эта шайка явится сюда, чтобы расправиться с ним, что ты будешь делать? Вмещаешься?

Суровое лицо шерифа стало мрачнее тучи.

– Придется, – тяжело вздохнул он. – Старые добрые времена прошли без следа. Теперь считается, что закон и порядок должны день и ночь царить в этом городе, охраняя жизнь и спокойствие горожан. А я что?

Я лишь страж закона! Когда-то я дал клятву выполнять свой долг и сдержу ее, что бы ни случилось!

Договорив, он с тревогой оглядел пустую улицу. Но вокруг царили тишина и покой. Не было ничего, что подтверждало бы его опасения.

– Ты только взгляни на чердачное окно! – взволнованно шепнул Милман. – Там, возле самой крыши!

Дом старого судьи, вычурный до того, что больно было глядеть, был увенчан крышей, похожей на соломенную шляпу мексиканского пеола. С одной стороны под ней красовалось узкое окошко. Сейчас оно было приоткрыто, и вдруг приятели увидели, как в темном проеме блеснул солнечный зайчик. Один, другой... Что-то вспыхивало и быстро гасло, посылая наружу яркие блики.

– Это же сигналы! Лью, будь я проклят, провались я сквозь землю, это же настоящий гелиограф! Ты знаешь азбуку Морзе?

– Да откуда? Что я, телеграфист? Но я и без нее могу назвать тебе того, кто сейчас подает эти сигналы!

– Хочешь сказать, Шей?

– Кто же еще, по-твоему? Должно быть, посылает весточку своим приятелям. Душу готов заложить, что он зовет их на помощь!

– Ах, черт возьми, как досадно, что мы не можем понять эти сигналы! Тогда могли бы проникнуть в это гадючье гнездо, разгадать все замыслы Шея, узнать, что случилось. Уж тогда бы у тебя были все основания для его ареста, ведь так, старина?

– Можешь не сомневаться! Стоп, еще кто-то скачет. А вот и шайка. Правда, что-то, на мой взгляд, она маловата, чтобы с треском разгрызть такой крепкий орешек, как старина Шей! Держу пари, у него там, в доме, с полдюжины вооруженных до зубов людей.

Грязновато-серое облако пыли, клубившееся над дорогой, вдруг рассеялось, и приятели увидели двух женщин в сопровождении двоих мужчин. Все они ехали верхом, позади них шли привязанные вьючные лошади.

– Извини, это вовсе не шайка, Милман, – растерянно пробормотал шериф. – Лопни мои глаза, если вон та дама слева не твоя родная жена!

Издав сдавленный крик, Милман стремглав кинулся к двери. А Уолтерс так и остался возле окна, не в силах оторвать удивленных глаз от диковинного гелиографа, все еще посылающего куда-то дрожащие блики света. Лью был совершенно согласен с Милманом: узнай он, что означают эти сигналы, и не исключено – у него появилось бы достаточно оснований для того, чтобы выжить из города Шея. Но так же хорошо шериф понимал и другое: попробуй он только схватить скрывающегося в темноте бандита, как сигналы мгновенно оборвутся и у него исчезнет последний шанс проникнуть в их тайну. Поэтому Уолтерс лишь тяжело вздохнул и продолжил наблюдение. И все это время ему не давала покоя загадка панического страха, терзавшего Билли Шея. Этот человек, несмотря на все его грехи, несмотря на то что был алчен, коварен и всегда готов на любую подлость, отличался несомненной храбростью и никогда не упускал случая продемонстрировать ее всему городу. А сейчас ворвался в дом, будто испуганный кролик, забаррикадировал дверь, запер окна и задвинул тяжелые засовы, и теперь, вне всякого сомнения терзаемый ужасом, посылал кому-то отчаянные сигналы, моля о помощи!

«Наверняка это какая-то неведомая шайка, преследующая его по пятам», – единственное, что пришло на ум Уолтерсу. Он машинально расстегнул кобуру, погладил тяжелый кольт у бедра и еще раз вздохнул, мысленно уже готовый к тяжелой и неприятной работе, которую уготовила ему судьба. Шериф давно уже поклялся покончить со всеми бандами в Драй-Крике и был способен пойти на любой риск ради достижения этой цели.

В эту минуту он заметил, что сигналы прекратились. Чердачное окошко тихо закрылось. Тогда Лью, стараясь держаться поближе к окнам, чтобы не упустить возможных событий, спустился вниз. В прихожей его приятель сжимал в объятиях жену с дочерью и смеялся, как счастливый ребенок.

Даже сейчас, когда Уолтерсу не давала покоя приоткрывшаяся тайна, он не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться на это любящее трио.

– Счастливики, – пробормотал шериф себе под нос. А поскольку он был всего-навсего обычным мужчиной, то позволил себе дольше, чем того требовали приличия, задержать взгляд на Джорджии Милман.

Покрытая смуглым загаром, она казалась медно-золотистой, как настоящая индейская девушка. Сходство дополняли приятно округленное, упругое тело и иссиня-черные, словно вороново крыло, волосы. Однако ослепительно синие, прозрачные глаза выдавали ирландскую кровь.

Обернувшись, она шумно и порывисто приветствовала Уолтерса. Прошлым летом они вместе удачно охотились на оленей, и оба не успели об этом забыть.

– Отец говорит, тут в доме Билли Шея творится что-то странное, – сказала Джорджия.

– Не знаю, – пробормотал Лью, – но странностей тут и без этого хватает. А давайте пройдем на веранду и посмотрим. Чует мое сердце, без стрельбы не обойдется. Здравствуйте, миссис Милман! Ваш муженек чуть из окна не вывалился, так старался вас разглядеть! Так вы идете со мной?

Все четверо они дружно вышли на веранду и там обнаружили, что уже чуть ли не весь город затаив дыхание смотрит на дом Билли Шея – так быстро его облетел слух о близкой опасности.

Глава 2

На сцену выходит Кид

Но на этот раз толпу влекло не простое любопытство. Ее интерес скорее был сродни вечной жажде мужчин присутствовать при схватке достойных противников.

Перед входом в гостиницу тянулась огромная крытая веранда, крышу которой поддерживали узкие деревянные пилястры. У лестницы на нее с каждой стороны стояли поилки для животных, настолько длинные, что из каждой можно было разом напоить никак не меньше дюжины лошадей, причем даже их не расседывая.

К этому времени на веранде собралось около пятидесяти человек.

– Похоже, шериф, у вас вот-вот станет одной заботой больше, – произнес кто-то из знакомых Уолтерса.

– У меня их и так немало, – отозвался тот. – Так что одной больше – одной меньше, какая разница?

– Я слышал, в город возвращается Малыш Кид. А пустил слухок не кто иной, как Чарли Пейсон.

– А кто он такой, этот Малыш Кид? – полюбопытствовал Милман. – Откуда он взялся? Денвер, Миссисипи, Бостон, Чикаго?

– Да нет, с чего ты взял? Разве не слышал – это же Кид! – повернулся к нему шериф, но потом опять обратился к знакомому: – Послушай, так, значит, это Чарли Пейсон рассказал? Странно... И чего Киду понадобилось в Драй-Крик?

– Вот-вот, – кивнул его собеседник, – в нашем городе этого парня никто не пустит даже переночевать, хоть бы и на чердаке! Но Пейсон клянется и божится, что так оно и есть. Понятия не имею, откуда он это взял. Может, письмо получил? Говорят, в незапамятные времена Чарли знал с Малышом Кидом, еще в Юкатане.

– Слышал я эту историю, – буркнул Уолтерс. – Это как они вдвоем поднялись вверх по реке, отыскивали старую, заброшенную крепость, а там якобы – изумруд в виде глаза, и все такое прочее. Как по-твоему, в этих байках есть хоть крупица правды?

– Знаешь, хочешь – верь, хочешь – не верь, но я уже давно убедился: во всех сказках о Малыше Киде всегда что-то есть.

– Да кто ж он такой, этот Малыш Кид? – вмешалась Элинора Милман.

– Так вы что же, никогда о нем не слышали? – удивился шериф.

– Нет, никогда. Как странно, такое забавное прозвище. А вы знаете его настоящее имя?

– Нет, не слышал. Но, насколько мне известно, на двести пятьдесят миль вокруг Юкатана есть только один Малыш Кид. Этот самый.

– А что он за человек? Наверное, молодой?

– Что за человек? – протянул Уолтерс. – О нем так просто не расскажешь. Впрочем, вы правы, еще достаточно молодой.

– Что значит «достаточно»?

– Да вот, иной раз кажется, что старше его никого на свете нет. Не объяснить... Впрочем, давайте-ка я лучше расскажу вам то, что мне поведал один приятель. А было это в мексиканском городишке – Чихуа-хуа. Когда до жителей его долетели слухи, что в окрестностях видели Кида, они создали отряд, в который вошли не только самые свирепые местные головорезы, но и все горожане, имеющие оружие. Потом пригласили в него землевладельцев округа, в первую очередь тех, у кого были лошади. Вывели отряд за ворота города, и стал он день и ночь прочесывать окрестные леса, да так, что даже мышь не могла проскользнуть незамеченной. А женщины, в особенности те, у кого были дочери-красавицы, мигом загнали всех детей по домам,

посадили их под замки, а сами вооружились большими мясницкими ножами и сидели не спуская глаз с дверей. Игровой дом тут же закрылся, все деньги исчезли, как по волшебству, будто их там отродясь не бывало. А магазин – смех и грех, право! – его мгновенно заперли, окна закрыли ставнями и погасили свет. Словом, можно было руку дать на отсечение, что в городе все спят мертвым сном, хотя за всеми этими затворами и запорами не дремала ни одна душа... Люди затаились, точно коты возле мышиной норки. Да уж, они там, в Мексике, знают Малыша Кида куда лучше, чем мы тут. Вот так оно все и было, хотите – верьте, хотите – нет.

– Но почему же здесь, в Драй-Крике, – вмешалась Элинора Милман, – вам и в голову не приходит устроить нечто подобное? Ведь в город собирается пожаловать развратник, конокрад, наемный стрелок и Бог знает кто еще. Бандит, одним словом.

– Мэм, – вежливо перебил ее шериф, – вы, если не ошибаюсь, тоже слышали, что он приближается к городу. Однако, если меня не подводят глаза, сами спокойно стоите на улице, да еще вместе с Джорджией. Так что вы от меня хотите?

Эвелин слегка порозовела, а девушка расхохоталась.

– Я вас прекрасно понимаю, – продолжил Уолтерс. – Только, будь она моей дочерью и услышь я, что Малыш Кид едет сюда, уж, будьте уверены, вмиг накинул бы ей мешок на голову, а потом отволол в самый темный и глубокий погреб, из тех, что местные жители копают в этом паршивом городишке на случай циклона. Здесь, на нашей стороне Рио-Гранде, мы все как-то дьявольски самоуверенны, черт меня побери! Нет чтобы поостеречься, ей-богу! А результат... Были бы предусмотрительнее, глядишь, и сломанных жизней в наших краях оказалось бы меньше! – В его голосе появилась странная минорная нотка, лицо потемнело.

Но миссис Милман, повернувшись к дочери, лишь слегка улыбнулась, и та послала ей в ответ сияющую улыбку. Они всегда понимали друг друга с полуслова.

А в это время собравшаяся на веранде толпа оживленно перешептывалась.

– Что происходит, шериф? – то и дело спрашивал кто-нибудь.

Но Уолтерс только пожимал плечами, продолжая разглядывать дом напротив. На лице его застыло озадаченное выражение, будто он изо всех сил старается, но так и не может разгадать, почему в доме напротив забаррикадировался его хозяин.

– Занавес поднят, – прокомментировал кто-то из собравшихся зрителей, – и, сдается мне, актеры уже на местах. Так что, почтеннейшая публика, ежели не хотите опоздать к началу, занимайте места согласно купленным билетам!

– Вон там кто-то едет! – вдруг сказала Джорджия, вглядываясь в дальний конец улицы.

– Да, – подтвердил шериф, – но что-то еле тащится. Сдается мне, это не тот, кого мы ждем.

– Тише едешь, дальше будешь, – невозмутимо напомнил кто-то.

Люди постепенно стали терять терпение, словно зрители на корриде, когда, затаив дыхание, они ждут матадора, а его все нет.

– По-моему, мы напрасно тратим время, – шепнул Милман, обращаясь к жене. – А нам еще ехать домой.

Шепот в толпе постепенно становился все громче. Кто-то уже смеялся и шутил, когда вдруг в дальнем конце веранды резко прозвучал чей-то испуганный голос. Присутствующие замерли. Воцарилось молчание, будто огромная волна разом накрыла всех с головой.

– В чем дело? – прошептал Милман, поворачиваясь к шерифу.

– Тише! – прошипел тот в ответ. – Похоже, появился Кид!

Порыв ветра разогнал клубившееся на улице огромное пыльное облако, и вдруг перед ним возник высокий мужчина, державшийся прямо и так приподнявшийся в высоких стремянах, что можно было подумать, будто он не сидит, а стоит в седле. Голова его была высоко поднята, он пристально вглядывался в даль, как это делает человек, привыкший полагаться на свою лошадь. В его облике не было ничего примечательного, если не считать крохотных золо-

тых бубенчиков на шпорах, издававших мелодичный звон. В тишине, повисшей над верандой, этот звук, слабый и робкий, будто лепетание далекого ручейка, слышался совершенно отчетливо. Уолтерс легко подтолкнул локтем Джорджию.

– Взгляните-ка, подходящая для вас лошадка! – вполголоса проговорил он. – Ее зовут Дак Хок², по крайней мере, так я слышал. Чистокровный мустанг, причем кобыла. Кид заарканил ее под Сонорой. Ну разве не красавица? Идет будто на цыпочках, тут всякий zalюбуется, верно?

Шериф был прав. Кобыла, будто настоящая танцовщица, приближалась изящным, плавным карьером, с гордо поднятой головой. Можно было подумать, что она гордится и своим седоком, и тем, что он задумал. От такой лошади не отказался бы и сам король. А уж любой генерал или даже мэр отдал бы все на свете, лишь бы хоть раз в жизни удостоиться счастья в торжественный день появиться на ней перед глазами восторженной толпы.

– Ее называли так из-за отметин на шкуре, – объяснил Уолтерс. – Видите, она вся черная, только грудь и шея будто в белом пуху. Никогда прежде не видел у лошадей такого окраса. Вот она какая – Дак Хок! Как в первый раз увидел ее в Финиксе – с тех пор забыть не могу. Господи, провалиться мне на этом месте, если за такую лошадку я не согласился бы лет десять копать картошку! А как вам, дорогая, всадник? – Рот шерифа растянулся в лукавой усмешке.

Девушка доверчиво улыбнулась ему в ответ.

– А что? Выглядит неплохо, – откровенно восхитилась она.

Так оно и было. Впрочем, не удивительно, ведь Милман Кид был переселенцем, истинным жителем Запада, и к тому же не просто Запада, а приграничной полосы. Теперь, когда он спешил, стало особенно заметно, какие у него широкие плечи и могучие мышцы, распиравшие шерстяную рубашку, какие длинные, мускулистые ноги прирожденного бегуна, которые так часто встречаются среди индейцев навахо. Лицо его напоминало выдубленную солнцем кору дуба, на котором совершенно неожиданно были ярко-синие ирландские глаза – точно такие же, как у Джорджии Милман. Из-за них ни один мужчина не мог смотреть на нее без сладостного трепета.

Однако глаза Малыша Кида отнюдь не вызывали в мужских сердцах того же самого благоговейного трепета. Больше того, под их ледяным взглядом многим тут же становилось не по себе.

Спешившись, Кид вытащил из седельной сумки большой полотняный платок, заботливо вытер взмыленную морду своей кобылы и только затем подпустил ее к поилке, позволив вволю напиться, что она и проделала с присущей ей грацией.

– Привет, ребята! – поздоровался Кид. – Ждете, что здесь пройдет какая-нибудь процессия? Или кто-то собирается сказать речь?

Он то и дело выхватывал в толпе знакомые лица и приветливо махал им рукой. Но стоило его взгляду упасть на потемневшее лицо шерифа, как Малыш резко обернулся и вспрыгнул на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей на веранду. Толпа испуганно шарахнулась в разные стороны, пропуская его. «Точно перетрусившие собаки, почуявшие волка», – с досадой подумала Джорджия.

А Кид уже дружелюбно тряс руку Уолтерса.

– Рад видеть вас, Лью. Вот решил заглянуть в Драй-Крик, а заодно и вас повидать. Похоже, вы здорово постарались, чтобы моему приятелю Шею жилось тут привольно. Мне пришлось в голову, может, я вам зачем-нибудь пригожусь?

– Я тоже рад видеть вас, Кид, – повинувшись безотчетному порыву, ответил шериф. – У нас тут, в Драй-Крике, суд скорый, мой мальчик, глазом не успеете моргнуть, как получите пропуск на тот свет.

---

² Дак Хок – лунь болотный.

– Ну, шериф, я как-то привык ездить туда и обратно, – улыбнулся Кид. – А у вас что, маршрут в один конец? Кстати, Уолтерс, что же вы не представите меня своей дочери?

– Это тот самый бандит, о котором я тебе рассказывал, Джорджия, – пояснил шериф. – Вечный мятежник и сеятель раздоров. Фамилия молодой леди, которая, Кид, вас так заинтересовала, – Милман.

Бандит снял с головы шляпу и низко поклонился с галантностью истинного представителя латинской расы.

– Знаете, мисс, а ведь я как-то раз чуть было не увел у вашего отца парочку лошадей, – признался Кид. – Так оно и было бы, да только он всюду понаставил проволочных изгородей с колючками. Опасная это штука – колючая проволока, особенно когда имеешь дело с лошадьми. Передайте это вашему отцу, хорошо? Сделайте это ради меня! – И, нахлобучив шляпу на спутанные ветром вьющиеся волосы, он отошел.

Джорджия, ничуть не смутившись, кивнула в ответ, слегка ему улыбнулась и обратилась к шерифу:

– А похоже, этот человек ничуть не стесняется, что его считают бандитом. У вас, Лью, наверное, руки чешутся от желания схватить его за шиворот и отправить в тюрьму?

– Да уж, – вздохнул Уолтерс. – Только они чесались бы куда больше, если бы в сумме, которая стоит в моей страховке, было побольше нулей!

А в это время Кид, отойдя в сторонку, вытащил из кармана пару спичек и воткнул их в шпоры, так, чтобы поплотнее прижать язычки бубенчиков и заставить их замолчать.

Сделав это, он обернулся к замершей толпе, не сводившей с него глаз. Казалось, все затаили дыхание.

– Кто-нибудь знает, дома ли мой дружок, Билли Шей? – поинтересовался Малыш.

– Дома, – протянул кто-то неохотно.

– Ему по душе, когда ходят бесшумно, – сообщил Кид. – Говорит, так, дескать, положено любому культурному человеку. Да он, знаете ли, и сам человек культурный, этот Билли Шей. Так что не годится мне дергать за звонок, уж коли я собрался заглянуть к нему в гости. Пока, ребята, увидимся позднее! – Он быстро перешел через дорогу и скрылся за воротами дома Шея прежде, чем онемевшие зрители сообразили наконец, что это может означать.

Воцарилась гробовая тишина, которую разорвал изумленный вздох Джорджии:

– Так, значит, это Кида так испугался Шей?!

Глава 3

Грандиозная битва

Одна и та же мысль, а именно – побыстрее исчезнуть с места возможных боевых действий, пришла в голову одновременно всем зевакам, столпившимся на веранде. Над толпой пролетел испуганный шепоток, поднялась суматоха, в то время как к гостинице со всех сторон подбегали все новые любопытные, торопясь не пропустить интересных событий.

– Что будем делать, Лью? – спросил Милман.

– Да ничего, – сухо отрубил шериф. – У каждого из них только одна жизнь, которую можно отнять. Уж если они вознамерились это сделать, то почему бы не сегодня, в конце концов? Ты никогда не видел схватку между осой и шершнем? Так у тебя есть шанс, старина. Как ты думаешь, кто кого?

Похоже, то же самое волновало и остальных. На лицах зевак мелькали улыбки.

– Интересно, а ему известно, сколько человек засело в доме вместе с Шеем? – воскликнул кто-то.

Джорджия Милман вдруг заволновалась.

– Лью, их надо остановить! – заявила она.

– Это из-за его прекрасных синих глаз, не так ли, дорогая? – с угрюмой усмешкой полюбопытствовал шериф. – Нет уж, слуга покорный, мэм. Даже не подумаю лезть в это дело. Да пусть эти мерзавцы изрешетят друг друга, штат от этого только выиграет! Не надо будет двадцать лет кормить их на казенный счет или, что еще вернее, не придется тратить на добрую пеньковую веревку, которая давно плачет по ним обоим!

В этот момент на веранде наступила тишина, потому что Кид как раз подошел к крыльцу дома Билли и уже занес ногу на первую ступеньку. Зрители замерли. Бандит быстро взбежал по лестнице, но, к удивлению всех, направился не к двери, а к широкому окну рядом с нею.

Там он какое-то время повозился.

Джорджии Милман вдруг показалось, что за темными стеклами окон дома поблескивают десятки глаз, с холодным змеиным коварством наблюдая за человеком на крыльце.

– Похоже, парень уже справился со щеколдой, – пробормотал шериф.

Как раз в эту минуту Малыш Кид приоткрыл оконную раму, причем проделал это так осторожно, что ни единого звука не донеслось до толпы зрителей, затаивших дыхание, чтобы не пропустить ничего из этого захватывающего спектакля.

– Что они там делают, внутри? – прошептал один из них.

– А то сам не знаешь? Небось, ставя силки, тоже ждешь, когда зверюшка залезет внутрь, и уж только потом тянешь за веревку! – буркнул другой.

В то же мгновение, когда приоткрылось окно, Кид, не колеблясь ни секунды, легким движением молниеносно скользнул внутрь. Затем рама так же бесшумно закрылась.

Единственное, что было видно с улицы, – это поднятая рука бандита.

– Он запирает окно на задвижку! – изумленно выдохнула Джорджия. – Это же сумасшествие какое-то! Что он задумал?

– Знаете, дорогая, – ответил шериф, – думаю, он сейчас счастлив, счастлив так же, как бываете счастливы и вы, когда останавливаетесь на пороге бального зала, а все эти юнцы не сводят с вас восхищенных глаз. Игрет музыка, и вы видите, как все остальные девушки исходят завистью, потому что вам нет равных. Сейчас наш приятель Кид, если можно так выразиться, идет на абордаж!

Из дома не доносилось ни звука. Бандит, казалось, растворился в воздухе. Солнце палило нещадно. Его жаркие лучи раскалили близлежащие крыши, и над ними курился чуть замет-

ный пар – последнее напоминание о недавней зиме. Дальше вниз по улице маленькие песчаные вихри вздымали пыль, казавшуюся на солнце совсем белой. Вдруг один из этих смерчей двинулся в сторону толпы, на мгновение накрыв ее плотной завесой. Люди вздрогнули, стали зябко поеживаться и нетерпеливо моргать, словно опасаясь, что упустят что-то важное.

Но все по-прежнему было тихо. Дом, угрюмый и молчаливый, будто могильный памятник, высился на другой стороне улицы, неприязненно сверкая стеклами окон. Те, на которые падали лучи солнца, казалось, горели мрачным огнем. Другие, погруженные в тень, выглядели будто пустые глазницы слепца. Стояла такая тишина, что звенело в ушах.

– Да это просто шутка, – вдруг разочарованно протянул чей-то голос. – Можно сваливать по домам. Ничего не будет.

– Заткнись, придурок! – зашипел кто-то сзади.

Многие согласно закивали. Никто больше не осмеливался нарушить молчания, по сравнению с которым даже тишина, обычно царящая в церкви, показалась бы шумом. Нервы людей трепетали, как натянутые струны. Джорджия судорожно вцепилась в отцовскую руку, ее лицо застыло, превратившись в безжизненную маску. Кожу немного пощипывало, и девушка догадывалась, что, должно быть, бледна как привидение. Машинально она потерла щеки и виновато взглянула на шерифа. В глазах ее застыл невысказанный упрек. Ведь он предсказывал, что она не сможет остаться равнодушной к этому Малышу Киду. Но то, насколько глубоким оказался этот интерес, заставило ее съежиться от стыда.

Она упрямо твердила про себя: «Ну что в нем хорошего? Ничего. Обычный бандит! И все это знают!» Но слова не действовали. Достаточно было лишь взглянуть на Дак Хок и залюбоваться ее яркой красотой, когда прелестная, как картинка, кобыла поднимала изящную голову, внимательно вслушиваясь в какие-то неясные шорохи, чтобы все эти мысли мигом вылетели из головы и развеялись, словно дым. Лошадь – а это по всему было видно – просто обожала своего хозяина. Значит, что-то хорошее в нем все-таки есть!

И вдруг могильная тишина в доме Шея взорвалась, причем именно так, как все и ожидали. Оглушительно рывкнули винтовки, эхо выстрелов раскатилось по всему дому, а вслед за ним раздался пронзительный вой. Кто-то вопил, совершенно потеряв голову то ли от боли, то ли от страха, а может, и от того и от другого.

– Гром и молния! – выдохнул шериф и принялся проталкиваться локтями сквозь плотную толпу, пока наконец не проложил себе дорогу на улицу.

Он уже ринулся было вперед, как Милман и еще кое-кто из зрителей схватили его за плечи и бесцеремонно втащили на веранду обратно.

– Ты тут говорил кое-что и, думается мне, был совершенно прав, – произнес Милман. – Какое кому дело, если эти крысы перегрызут друг другу глотки? И не думай, старина, что мы позволим, чтобы ты по-дурацки рисковал жизнью!

– Да ведь там убивают! – заорал Уолтерс, безуспешно пытаясь вырваться из сжимавших его рук. – Пустите меня, остолопы, слышите? Я должен...

– Единственное, что ты должен, это оставаться здесь, сидеть тихо и не рыпаться, – буркнул один из тех мужчин, что держали его за руки. – Даже если там и прикончат кого, никто плакать не будет! Тот ли, другой, какая разница? Оба они убийцы, черт их побери, вот пусть и поубивают друг друга, нам же будет лучше. Вспомни, ты сам так же говорил!

Шериф не нашелся, что возразить. А кроме того, что было толку возражать, когда не меньше полудюжины крепких рук сжимали его точно тисками.

Перестрелка в доме Билли Шея не утихала ни на минуту, и зрители ловили каждый звук. Похоже, бой переместился. Вначале стрельба слышалась возле двери. Потом звуки выстрелов стали глуше, будто стрелявшие спустились в подвал. Затем грохот начал опять нарастать, будто противники оказались в прихожей.

Неожиданно с оглушительным звоном лопнуло стекло в окне, через которое Кид проник в дом, и наружу вывалился человек. Точнее, вылетел, будто снаряд из пушки. Рухнув на крыльцо, мужчина кубарем скатился по ступенькам и распластался по земле. Лицо его представляло собой кровавую маску – похоже, осколки стекла не оставили на нем живого места. Скорее всего, он наполовину ослеп и оглох. Вытянув перед собой дрожащие руки, чтобы не упасть, мужчина неуверенно двинулся через улицу и, наткнувшись на изгородь, с облегченным вздохом навалился на нее грудью. Но тут ноги у него подогнулись и он упал. Потом, цепляясь за изгородь, с трудом поднялся и, спотыкаясь, побежал. Вскоре он скрылся из виду.

– Похоже, с него довольно, – мрачно осклабился шериф. – Это Лефти Бад по прозвищу Серый. Тот самый, который пристрелил Такера и Лэнгтона по дороге в Пекос. А губернатор Чалмерс возьми да и помилуй его, идиот!

На втором этаже дома в эту минуту раздался оглушительный треск и пронзительное лязганье, будто кто-то в ярости с размаху крушил мебель.

Краска вдруг бросилась в лицо Джорджии Милман, и она с удивлением обнаружила, что снова может свободно дышать.

– Мама! – прошептала она. – Знаешь, на что это похоже? Будто ласка забралась в кроличью нору, правда?

Действительно, те, устроившие перестрелку, напоминали переполошившихся кроликов! И разбегались они в ужасе, точно насмерть перепуганные зверьки! Было слышно, как где-то позади дома оглушительно хлопнула дверь и кто-то невидимый с грохотом сбежал с крыльца, бросился прочь, пронзительно визжа от страха. Когда человек свернул за угол, вопли были тише, но еще долго разносились по городу, заставляя зябко поеживаться столпившихся зевак.

– Ничего подобного раньше не видел! – восторженно пробормотал какой-то ковбой. – Что он там с ними делает, хотелось бы мне знать? Шпикует динамитом, а потом поджигает фитиль?

И опять оглушительно хлопнула задняя дверь, только теперь было слышно, как по крыльцу с топотом и криком скатилось сразу несколько человек. Потом они, будто стадо испуганных оленей, пронеслись по дороге и тоже исчезли.

– Вот уже нет четверых, – пробормотал кто-то вполголоса.

Какое-то время в доме Шея стояла мертвая тишина.

Но затем до ушей взволнованных зрителей, которые ловили каждый звук из проклятого дома, вначале едва слышно, а далее более отчетливо стал доноситься стон – хриплый, протяжный вой тяжело раненного человека.

Миссис Милман всхлипнула и покачнулась, тяжело привалившись к плечу дочери. Та порывисто обняла ее.

– Успокойся, мама! Ну, что с тобой? – прошептала она. – Я уверена, это не Кид!

– Этот мальчик? – пробормотала миссис Милман со слезами в голосе. – Конечно это не он, я уверена! Но что случилось с теми беднягами, которые были в доме? Этот кровожадный тигр... и они, эти несчастные...

Вдруг где-то под самой крышей опять оглушительно заговорили винтовки. Перестрелка не умолкала долго. Наконец в который раз грохнула дверь, а вслед за ней широко распахнулось чердачное окошко, откуда не так давно перепуганный до смерти Шей молил своих дружков о помощи.

Из окошка одним гибким движением выскользнул высокий, сутулый мужчина – не кто иной, как Билли Шей собственной персоной! – при виде которого по сгрудившейся напротив толпе зрителей пробежал гул.

Судя по всему, Билли отчаянно спешил, словно минуты его жизни сочтены.

Выбравшись на крышу, он тут же заскользил вниз, к самому ее краю. Там схватился руками за карниз и осторожно повис, раскачиваясь взад и вперед, точно гигантский маятник.

– Отпустите меня! – прохрипел Уолтерс. – Будь я проклят, я должен быть там и...

Но его держали крепко. Окружившим его людям казалось совершенно бессмысленным желание шерифа рисковать собственной жизнью только для того, чтобы его величество Закон воцарился между теми, кто давно уже жил совсем по другим правилам.

Между тем Билли Шей, изо всех сил вытянувшись, уперся ногами в край венчающего карниз свеса крыши и, точно огромный кот, мягко прыгнул на подоконник окна второго этажа, а оттуда – вниз, на землю, где ухватился за перила крыльца. Однако не остановился. И даже не оглянулся. Вместо этого стремглав бросился через задний дворик с такой скоростью, что его длинные волосы веером развевались по ветру. Добежав до изгороди, за которой недавно скрылся первый беглец, Билли одним прыжком, которому мог бы позавидовать и дикий мустанг, перелетел через нее и через мгновение скрылся из виду.

А в доме снова воцарилась тишина, если не считать стонов раненого, доносившихся откуда-то с первого этажа. Он уже хрипел. Казалось, каждый вздох давался ему с мучительным трудом.

Потом до затаивших дыхание зрителей донесся звук, который они меньше всего ожидали услышать. Где-то в глубине дома, казалось, под самой крышей, кто-то начал весело насвистывать. Сначала свист слышался глухо, потом все отчетливее, будто человек спускался вниз, направляясь к выходу.

У дверей он явно остановился, и стоны тут же смолкли.

– Не иначе как прикончил беднягу! – пробормотал кто-то сквозь стиснутые зубы.

Джорджия почувствовала, что вот-вот хлопнется в обморок.

В эту минуту отворилась дверь, и на крыльце появился не кто иной, как Малыш Кид!

Он немного постоял на пороге, рассеянно покачиваясь на каблуках, затем неторопливо свернул сигарку, закурил и, наконец, глубоко затянувшись, медленно зашагал по двору к улице.

Возле ворот Кид замешкался, аккуратно отодвинул задвижку, потом с улыбкой нагнулся и вытащил из шпор обломки спичек, придерживавшие язычки бубенчиков. И пока он не спеша шел по улице, направляясь к поджидавшей его кобыле, их мелодичный звон сопровождал каждый его шаг.

Намотав на руку поводья, Кид повернулся к зрителям и заявил:

– Билли пришлось срочно уйти, так что, ребята, он меня не дождался. Да и вообще в доме никого не оказалось. – Потом, легко вскочив в седло, добавил: – Кроме Алека Три Карты. Но он так обрадовался, увидев меня, что оступился, подвернул ногу и скатился вниз по лестнице. Боюсь, ребята, он себе что-то сломал. Может, найдется среди вас добрая душа, поможет бедняге?

Глава 4

Дейви ездит верхом

Кид уехал так же спокойно и неторопливо, как и появился в городе. Впрочем, никто и не пытался ему помешать, кроме Томми Мэлоуна, который предложил опрокинуть по стаканчику.

Кид вежливо отказался, с извиняющимся видом объяснив, что из-за множества срочных дел никак не может задержаться, хотя и очень хотел бы. Но, отъехав недалеко от гостиницы, остановился как вкопанный. Откуда-то из подворотни выкатился крошечный мальчишка лет девяти с веснушчатым лицом и, истошно вопя, бросился чуть ли не под копыта его лошади. Голос у него был такой пронзительный и противный, будто кто-то водил ножом по тарелке, что у Кида отчаянно зачесалось в ушах. Но он узнал маленького Дейва Трейнора, сынишку Чака Трейнора.

Кое-кто из соседок, заинтересовавшись, остановился посмотреть, что за этим последует. Ни для кого из них не было секретом, что в последнее время Трейнор заколачивал на шахте кучу денег. Поэтому никто из женщин ни чуточки не удивился бы, если бы этот ужасный человек, Малыш Кид, похитил малыша, чтобы потом потребовать за него выкуп.

Старушка Бетти Уорт, которая еще не забыла, как в молодости сражалась с индейцами, даже не поленилась сбегать в дом за старой кентуккийской винтовкой. Заряжена она была пулей, весившей добрую унцию. Бетти с трудом вскинула винтовку на плечо, уперев ложе в подоконник, осторожно просунула дуло между плетями виноградных лоз и бестрепетно поймала на мушку сердце Кида. «Пусть только дернется, – злорадно подумала она, – уложу голубчика как миленького». И ни единой живой душе в городе не пришло бы в голову усомниться в том, что ей это удастся: слишком хорошо все знали, что старуха Бетти до сих пор запросто попадает в глаз белке, сидящей на вершине ели.

А между тем события развивались следующим образом.

– Привет! – крикнул малыш Дейви.

– Привет! – отозвался Кид.

– Здравствуй! – проорал Дейви, размахивая руками.

– Здравствуй! – бросил в ответ Кид.

– Эй, подожди минутку, слышишь? – попросил Дейви.

– Хорошо, – кивнул Кид и обернулся в седле.

Кобыла, казалось повинуюсь его воле, в ту же минуту направилась в сторону мальчугана и замерла в двух шагах от него.

– Эй, а как это тебе удалось? Что она, понимает с полуслова? – поинтересовался Дейви.

– Да нет, зачем? Просто читает мои мысли, это куда проще, – невозмутимо пояснил Кид.

– Ух ты! – восторженно произнес мальчишка, но потом спохватился и подозрительно добавил: – Только не воображай, что я тебе поверил! Я не такой дурак, как ты думаешь!

– Вот как? А не боишься так говорить? – любопытствовал Кид.

– Еще чего?! – не дрогнув возмутился бесстрашный Дейви. – Что думаю, то и говорю, вот так-то! А ты и есть тот самый Малыш Кид?

– Так меня называют друзья, – кивнул всадник.

– А по-настоящему как тебя зовут? – требовательно поинтересовался паренек.

«Господи, – подумал Кид, – шериф, редактор местной газеты и свора его полуголодных писак, от которых нет прохода даже в этой дикой и прекрасной стране, были бы счастливы, если бы получили ответ на этот вопрос».

– Ну, мое имя зависит от того, где я нахожусь, – невозмутимо сообщил он. – Видишь ли, мне одним обычным именем никак не обойтись. Ведь я много путешествую, а для этого одного имени мало.

– Как это? – удивился совсем сбитый с толку Дейви. Но по лицу его было видно, что он многое отдал бы, лишь бы узнать, в чем тут дело.

– Ну, посуди сам: к югу от реки живет много мексиканцев, вот и желательно, чтобы там мое имя звучало на соответствующий манер.

– И как?

– Например, Педро Гонзалес.

– Ух ты! – опять восхитился паренек. – Держу пари, если какому-нибудь олуху придет в голову назвать тебя этим кошмарным имечком, ты ему ухо откусишь, разве не так?

– Нет, – рассмеялся Кид. – Я человек мирный, терпеть не могу неприятностей. Поэтому-то мне и приходится так часто менять имена.

– Это еще почему? Что-то мне непонятно.

– Ну смотри. С испанцами я должен быть испанцем, с мексиканцами – мексиканцем. А когда оказываюсь в Канаде, меня зовут Луи, там ведь среди переселенцев много французов.

– И что же, ты не щелкаешь их за это по носу? – недоверчиво спросил Дейви.

– Конечно нет. Мне это нравится.

– А как тебя еще называют? – не сдавался мальчишка.

– О, имен у меня хватает! В Миннесоте меня зовут Джонсоном, в Виргинии – Талифферро... да Бог знает, как еще! Знаешь, старина, штатов у нас хватает, так что парню вроде меня одним именем никак не обойтись. А тебя как величать, сынок?

– Да... у меня все в точности как ты говоришь, – протянул Дейви. – Смотри, значит, где я. В южном конце нашего города вроде как Рыжий. Правда, на прошлой неделе я здорово поколотил парочку парней, которые меня так называли, но все равно они зовут меня Рыжим. А мне плевать, если хочешь знать. Вообще-то я на это внимания не обращаю.

– Уверен в этом, – кивнул Кид. – Ну что такое прозвище, в конце концов!

– Вот-вот, и я так считаю, – подхватил паренек. – Мне все равно представится шанс отколотить одного или двух бездельников, которые выдумывают подобные клички, уж я, будь спокоен, своего не упущу! А вот у подножия холма ребята Бэнкса... Ух ты, мать честная, какие у них там качели! Держу пари, ты таких и не видел! Так вот, они прозвали меня Конопатым. Представляешь? Это меня-то! Да лучше рассмотрели бы одного из своих, у которого не голова, а индюшачье яйцо!

– А что? Мне нравится! По-моему, Конопатый – достойное, а главное, очень необычное имя! – заметил Кид.

– Ты правда так думаешь? Ну ладно, тогда и ты меня так зови. Тем более... знаешь, они все слишком здоровые... того и гляди, намылят мне шею.

– Да что ты? Ну, не расстраивайся, скоро подрастешь.

– Может, и подрасту, только эти Бэнксы знаешь какие любители подраться!

– Ладно, забудь о них. А еще какие у тебя прозвища?

– Ну, здешние зовут меня Живчиком. Это потому, что не родился еще такой человек, которому удалось бы поймать меня за руку. Нет, есть, конечно, и такие, кто бегают куда быстрее меня, только я всегда извернусь в последний момент да и выскользну из их пальцев.

– Живчик мне нравится. Хорошее прозвище! Да, приятель, в жизни не встречал, чтобы у одного человека была такая пропасть кличек, к тому же одна лучше другой. А как еще тебя зовут?

– Ну, Дейви, но это только в школе.

– Здорово, мне нравится. А еще?

– Па зовет меня Снупсом³, понятия не имею, что это значит. Никак в толк не возьму, что за дурацкое прозвище. А мама – Дэвидом, но это только когда не сердится. И Дэвидом Трейнором – когда, скажем, я в дождь забуду надеть сапоги или еще что-нибудь.

– Ну что ж, Дэвид Трейнор, – заключил Кид, – рад был познакомиться с вами, сэр.

– И я тоже, – кивнул мальчишка.

Он привстал на цыпочки, и они церемонно пожали друг другу руки.

– А раз уж у нас разговор начистоту, – помялся Дейви, – это правда, что вы и впрямь можете все такое, о чем тут у нас говорят?

– А именно? – удивился Кид.

– Ну, я хотел сказать, вы и вправду можете подстрелить воробья влет? Вон, взгляните, сколько их на проводах! Ружье у вас с собой есть?

Кид посмотрел на птиц, рассеявшихся на проводах, покачал головой и вытащил из кобуры револьвер. Раздался выстрел. Воробьи с оглушительным гамом взвились в небо, а позади них в воздухе закружилось несколько легких перышек, медленно опускаясь на землю.

Одним быстрым движением Кид сунул тяжелый кольт обратно в кобуру.

– Вот видишь, значит, есть кое-что, чего я не могу, – усмехнулся он.

– Ух ты! Но вы же его задели, иначе бы перьев не было! А ведь даже не прицелились, просто выстрелили, и все!

– Повезло, – хмыкнул Кид. – Так что сам видишь, Дейви, не стоит верить людям, которые рассказывают всякие небылицы о том, что можно легко стрелять воробьев влет. Понятно?

– А где ваш револьвер?

– Ну как – вернулся к себе, туда, где он живет.

Дейви расхохотался.

– Ух и хитрый же вы! – восхищенно воскликнул он. – А ваша кобыла тоже все может?

– Ну, например?

– Она бежит на ваш зов, верно?

– Да.

– А на задних ногах ходит?

– Да.

– А дверь конюшни умеет открывать?

– Конечно, надо только отодвинуть задвижку и толкнуть дверь.

– И ляжет, если вы ей велите?

– Да.

– И сядет?

– Да.

– А встанет на колени, чтобы вы взобрались в седло?

– Да.

– Ух ты! – восторженно воскликнул мальчишка. – Вот здорово! Знаете, я о таком даже и подумать не мог. А что еще она умеет?

– Много чего еще. Видишь ли, сынок, у животных ведь тоже есть мозги. А моя кобыла прекрасно умеет ими пользоваться, да еще порой и думает за меня.

– Как это?

– Ну, например, может намекнуть, что мост, по которому мы едем, не очень-то надежный. Она это понимает по запаху. Знаешь, парень, у нее ведь нюх как у волка. Когда я с ней, то могу ночью спать без задних ног, ничего не боюсь. Она чувствует опасность за версту, вот так-то!

– Ой-ой-ой! – чуть ли не горестно протянул Дэвид Трейнор. – Наверное, вам очень скучно иметь дело со всеми этими парнями, когда у вас такая лошадка!

---

³ Снупс – от англ. *snoop* – вынюхивать, выслеживать, совать нос в чужие дела.

– Да, – с унылым видом подтвердил Кид. – Ты прав, старина! Тоска зеленая со всеми этими людьми, особенно с теми, у кого всего лишь одно имя!

– Послушайте, а сделайте для меня одну вещь! Сделаете, а?

– Почему бы нет? Тем более, что прозвищ у тебя... ууу! Еще побольше, чем у меня самого!

– Покажите, что она умеет, можете?

– Конечно, с радостью. Только скажи что.

– Попросите ее встать на задние ноги. Пожалуйста!

Сколько Дейви ни старался, но так и не заметил, чтобы Кид сделал какое-нибудь движение. Однако кобыла послушно встала на дыбы, изящно перебирая передними ногами в воздухе в нескольких сантиметрах от восторженной физиономии мальчишки. Постояв так немного, легко опустилась на землю.

– Ух ты! – одобрил Дейви. – А что-нибудь еще? Вот чудо-то, правда? И погладить ее можно?

– Сейчас спрошу, – с важным видом подмигнул Кид, затем наклонился и что-то прошептал на ухо Дак Хок.

Умное животное насторожило уши, потом гибким, каким-то змеиным движением вытянуло шею и осторожно прихватило Дейви зубами за неровный ярко-желтый клочок на лбу, по цвету сильно напоминавший выгоревшую на солнце траву.

– Хочешь прокатиться? – вдруг спросил Кид.

– Да ну?! Но ведь говорят, она только вам и позволяет садиться на нее! – изумленно выдохнул мальчишка, не веря собственным ушам.

– А вот мы сейчас и проверим! – Кид снова что-то прошептал на ухо кобыле и ласково погладил ее умную морду.

А потом... потом было настоящее чудо. Юный Дейви сел верхом на знаменитую кобылу самого Малыша Кида, и она помчалась как ветер. Мальчишка и опомниться не успел, как она пересекла дорогу, одним махом, будто птица, перелетела через высокую изгородь, и все это так легко, что он даже не успел испугаться. Сделав широкий круг по полю, лошадь помчалась назад, снова перескочила через изгородь и замерла в двух шагах от хозяина.

– Ну вот, теперь ты понимаешь, какая она у меня, – улыбнулся Кид.

– Ух ты! – кивнул паренек. – Словно в раю побывал. Это точно!

Глава 5

Невезение Алека Три Карты

Наконец жители Драй-Крика осмелели настолько, что потихоньку двинулись к дому Билли Шея.

Дело было не в христианском чувстве милосердия по отношению к раненому. Всех снедало жгучее любопытство. Каждому хотелось самому увидеть то, что натворил там легендарный Малыш Кид. Кому же не хочется стать живым свидетелем столь неординарного происшествия? Ведь потом можно будет годами рассказывать о нем проезжающим через город да еще украшать повествование красочными деталями. А что может быть интереснее, чем свидетельство очевидца?!

Трудно поверить, но есть только одна вещь, которая ценится у жителей Дальнего Запада дороже золота – это хорошая история. И не важно, правдива она или нет, главное, чтобы выглядела правдоподобно. Причем популярны обычно две разновидности таких историй. Одни – когда рассказчики откровенно врут и сами при этом смеются. Слушатели воспринимают их довольно терпимо, многие даже любят эти сказки, особенно если есть над чем посмеяться. Но не они являются гордостью и отрадой истинных жителей Запада, а другие – настоящие, то есть те, где правда и вымысел столь тесно сливаются воедино, что различить их порой бывает трудно даже старожилам, которые собаку съели на разных байках. В их основе обычно лежит истинное событие, но в тех местах, где у слушателя захватывает дух, фабулу искусно украшают красочные детали, а мелкие подробности, не поверить которым просто невозможно, уводят еще дальше в мир приключений. К примеру, если на самом деле прозвучал всего только один выстрел, вам так и скажут, однако при этом почему-то выяснится, что двое бандитов, или индейцев, или мексикашек, в общем, тех, о ком идет речь, как раз в момент выстрела стояли друг за другом, а потому и погибли оба. При этом рассказчик сам подивится, как такое могло произойти, а потом, вдоволь насладившись изумлением и недоверием слушателей, подробно и со знанием дела объяснит, почему такое случилось. Еще одна характерная деталь – опытный рассказчик никогда не говорит от своего собственного имени. Все истории начинаются и заканчиваются словами «говорят» и «они». Кто эти таинственные «они», до сих пор остается загадкой. Эти загадочные личности наносят удар стремительно, точно падающий с неба сокол, и при этом способны появляться бесшумно, будто летучие мыши. «Они» знают язык птиц, а иногда и пчел, могут вслед за змеей протиснуться в самую узкую щель, чтобы затем, подобно магическому лучу, проникнуть сквозь толщу громадной горы только лишь для того, чтобы стать очевидцами очередного кровавого преступления. К тому же чья-либо душа для «них» – открытая книга, а уж прочитать самые сокровенные мысли у других «им» пара пустяков. Передвигаются «они» обычно со скоростью солнечного луча, вырастая как из-под земли то тут, то там, и все для того, чтобы подобрать крохи драгоценной информации, напоминая при этом курицу, трудолюбиво перекапывающую навозную кучу в поисках толстых дождевых червей. На Западе многие свято верят в могущество этих таинственных незнакомцев, в их сверхъестественную мощь и передают эти истории благоговейным шепотом из уст в уста, изумленно округляя глаза и с бешено колотящимся сердцем. Но немало и скептиков, которые, услышав нечто подобное, лишь посмеиваются и пожимают плечами. Допытываться правды у рассказчика обычно бесполезно. Чаше всего он лишь зевнет вам в лицо и покачает головой: «Откуда мне знать, мистер? Говорят, вот и все!»

Так что можете сами решать, как вам быть, верить или не верить. Но большинство, надо сказать, верит. Именно поэтому бесчисленные истории о «них» множатся на глазах. Они ползут из конца в конец огромной страны, чудесные происшествия обрастают новыми, еще более

захватывающими подробностями до тех пор, пока окутывающая их таинственная дымка не укрывает факты волшебной завесой, непроницаемой для человеческого глаза, будто звездная пыль.

Итак, толпа зевак, перешептываясь и переговариваясь, двигалась к дому Билли Шея. Потом, посоветовавшись немного, самые смелые из них распахнули дверь и застыли на пороге, сраженные наповал. Впрочем, зрелище, представшее их глазам, могло бы зачаровать кого угодно.

Громоздкая мебель, которую, как правильно догадался шериф, Билли Шей навалил перед дверью, соорудив что-то вроде баррикады, чтобы не дать Киду проникнуть в дом, сейчас была раскидана и беспорядочными грудями громоздилась вдоль стен. Большая часть ее была сломана. Тут и там валялись стулья с вырванными или перекрученными ножками. А один из них, будто подброшенный неведомой могучей рукой, медленно кружился под потолком, накрепко запутавшись в толстой цепи, на которой висела тяжелая люстра. Вообще, судя по всему, Билли Шей не скупился, когда обставлял мебелью свой новый дом.

Что же это за рука? – подумали невольно вошедшие. Кому под силу зашвырнуть так высоко массивный стул?

Ясно было одно – в пылу схватки стулья использовались как метательные снаряды. Стены, пол, потолок – все было сплошь изрешечено пулями. Человек, попавший сюда, мог бы запросто вообразить, что здесь держал оборону целый отряд.

А на полу, возле подножия лестницы, опираясь широченными плечами на первую ступеньку, лежал Алек Три Карты. И больше уже не стонал. Его правая нога, изогнутая под каким-то немыслимым углом, была откинута в сторону, а в пальцах правой руки дымилась сигарка. Полузакрыв глаза, он курил, с блаженным видом втягивая в себя ароматный дым. Дыхание его было на удивление ровным. Впрочем, для истинных жителей Запада свернуть сигарку было всегда наивысшим наслаждением, перед которым меркла даже возможность выпить глоток виски.

Толпа зевак сгрудилась у дверей. Вытаращив от удивления глаза, люди разглядывали, во что превратился дом. Его передняя стена была так изрешечена пулями, что вся прихожая оказалась залита солнечным светом, проникавшим сюда через бесчисленные отверстия. Раздался громкий треск, и все невольно вздрогнули. Но это всего лишь упал здоровенный кусок штукатурки, непонятно каким чудом еще державшийся на потолке.

Кое-кто из зевак, перепугавшись не на шутку, так и не осмелился войти внутрь даже со всеми вместе, а остался ждать на крыльце. Они испуганно озирались по сторонам. Эхо недавнего боя еще отдавалось в ушах, а в воздухе по-прежнему остро пахло порохом. Весь дом Билли Шея, от пола до потолка, казалось, был пропитан этим запахом.

– Эй, есть кто-нибудь живой? – крикнул шериф.

– Что, неужто сам не видишь? – с хищной усмешкой отозвался Алек Три Карты.

Уолтерс двинулся к нему.

За ним гурьбой пошли и некоторые из вошедших, хотя каждый из них при этом лелеял в душе надежду, что не он будет тем человеком, на которого шериф возложит заботу о раненом, если ему придет такая охота. Пусть уж это будет кто-то другой, думали они. Этот «другой», добрая душа, тоже часто бывал героем легенд и рассказов, только вот отличался при этом куда более покладистым нравом, чем «они».

Ни один из зевак так и не выразил ни малейшего желания помочь раненому Алеку. Наконец вперед протиснулась Джорджия. Помявшись немного, она присела на корточки и заглянула в его сузившиеся от боли глаза. Они слезились, и Алек все время моргал. Крошечные его глазки напоминали сверкающие бусинки.

Бандит напомнил девушке птицу, отчего ей стало не по себе. Его огромный нос походил на гигантский клюв, величину которого еще больше подчеркивали косой, резко срезанный лоб

и такой же подбородок. Казалось, все лицо Алека состояло из этого гигантского носа, плавно перетекающего в шею, а оттуда – в плечи. Из рта торчали два сильно выступающих вперед зуба. Как это часто бывает, они были неестественно белыми. Из-за этого лицо его анфас казалось крысиным, хотя в профиль напоминало голову попугая. Рот у Алека был всегда полуоткрыт, из-за этого людям порой мерещилось, будто он, окончательно превратившись в птицу, вот-вот шуточно клюнет кого-нибудь в щеку. На фоне желтоватой, как пергамент, кожи, ярко сверкали крошечные, беспокойные глаза. Его узкий лоб над кустистыми бровями был изборожден глубокими морщинами, свидетельствующими о терзающей его обладателя зависти, боли, жадности или алчности. Тело бандита было столь же непривлекательно – истощенное, костлявое, сгорбленное, с впалой грудью, все какое-то искривленное и изломанное. И единственное, на чем взгляд просто-таки отдыхал, были его удивительные руки – длинные, тонкие, с почти прозрачной кожей, на диво грациозные. С первого взгляда было понятно, что им не приходилось страдать ни от непогоды, ни от тяжелой работы и что чаще всего их облегали перчатки, конечно, за исключением тех случаев, когда хозяин пускал их в ход. Эти нервные, породистые руки были истинным счастьем Алека Три Карты, потому что он с одинаковой легкостью и изяществом управлялся с картами, костями, пистолетом и тяжелым ножом. Это было тем более странно, если учесть, что обладатель этих уникальных рук являл собой истинную пародию на человека. Казалось, сколько ни ищи, не найдешь в нем ни единой благородной черты, но никому и в голову бы не пришло оспаривать его храбрость, так что в округе он все-таки пользовался некоторым уважением.

– Очень плохо? – просто спросила Джорджия.

Вместо ответа, Алек только взглянул на нее и выпустил кольцо синеватого дыма. Впрочем, Три Карты никогда не отличался хорошими манерами.

– Вам, наверное, нужен доктор? Позвать доктора Данна? Он живет через дорогу отсюда, – предложила Джорджия.

Три Карты сделал знак, что хочет что-то сказать, и, наконец, проговорил:

– Да я не позволю этой клистирной трубке подать мне стакан вина, не то что трогать мою ногу! К тому же она сломана. Нет уж, отыщите мне дока Уилтона, не то я никого к себе не подпущу!

Джорджия оглянулась на толпившихся вокруг зевак и достаточно быстро отыскала взглядом забавного молодого человека. Кожа юноши-ковбоя казалась выдубленной палящим солнцем, а нос выдавал человека строгого, однако честного и порядочного.

– Сэмми, будь хорошим мальчиком, – попросила она, – сбегай отыщи доктора Уилтона!

Лицо Сэмми мигом омрачилось. Судя по всему, юноша простодушно упивался зрелищем разгрома, оставшегося после схватки. Но Джорджия не принадлежала к числу тех девушек, которые безропотно примут отказ. Испустив тяжелый вздох, Сэмми отправился на поиски доктора, а Джорджия в это время с милой улыбкой убедила четверых мужчин перенести Алека в примыкающую к прихожей маленькую комнатку, бережно поддерживая его сломанную ногу. Уложив раненого на стол, она осторожно подсунула подушку под его голову. Потом отобрала у одного из зевак стакан с виски, потребовала, чтобы Алек из него сделал большой глоток, и заботливо отерла выступившую у него на лбу от боли испарину. Затем Джорджия расстегнула ему ворот рубашки и с неожиданной ловкостью скрутила для него еще одну сигарку.

– Ну, ты в порядке! – удивленно протянул Три Карты. При этом его птичьи глаза на мгновение прояснились и перестали моргать. В них появился жесткий блеск, отчего он еще больше стал похож на хищную птицу.

– Вам удобно? Впрочем, что я спрашиваю? Конечно удобно!

Три Карты прикрыл глаза, предпочитая не отвечать. Впрочем, девушке показалось, что из его груди вырвался смешок. Наконец, откровенно хмыкнув, он проговорил:

– Держу пари, вы не поверите, но этот парень даже ни разу не спустил курок!

Джорджия невольно бросила взгляд в дальний конец комнаты, где на полу сверкали осколки разбитого стекла. Окно было выбито.

– Вы не Кида, случайно, имеете в виду? – спросила она.

– Кто, я? – опять ухмыльнулся Три Карты, но потом лицо его вдруг смягчилось – видимо, он вспомнил, как добра к нему эта девушка, и проворчал: – Да, именно о нем я и говорю!

Джорджия попыталась себе представить, как все это было, но не смогла сосредоточиться. Она готова была подумать, что все это привиделось ей во сне, если бы не страшный разгром в доме – результат того, что в него проник Кид. Девушка еще не забыла, как бандиты один за другим с ужасающим грохотом вылетали наружу, будто их выбрасывало взрывной волной. Казалось, здесь разом взорвали сразу несколько шашек динамита.

– Но если он не стрелял, то что же тут было? – удивилась Джорджия.

– Кулаки, – пожал плечами Три Карты и, видимо, считая, что этого объяснения вполне достаточно, удовлетворенно покачал головой. – Ну и парень! Полный блеск, чтоб я сдох! – Он снова хихикнул, казалось, забыв о боли в сломанной ноге, и продолжил: – Представляете, вдруг оказался в соседней комнате. Что ж, тут гордиться нечем – я сломя голову кинулся в погреб. Но окошко там слишком узенькое. В него и змея не проскользнет...

– Так, значит, Кид отправился за вами в погреб? – попыталась уточнить девушка.

Ей все хотелось представить полную картину того, что разыгралась здесь совсем недавно. Потому будто сама увидела, как перепуганный Алек кидается в погреб в поисках убежища, а за ним, неумолимо, словно смерть, следует Малыш Кид.

– Ха! Все, что ему было надо, это открыть настежь дверь наверху да малость подождать! – гаркнул Три Карты, по-прежнему восхищаясь хитроумными действиями врага. – Кто-то из наших заорал, что он собирается скинуть вниз канистру с маслом и горящую спичку вслед за ней. Тут мы все как последние идиоты ломанулись вниз, да так, что чуть было не вынесли на плечах дверь. И что же? Оказалось, что его вообще там не было! Тогда мы стремглав кинулись наверх. Не знаю, как остальным парням, а мне все казалось, что этот негодяй Кид вот-вот покажется в дверях и начнет палить!

Джорджия с трудом перевела дыхание. Ей почудилось, что у нее на голове зашевелились волосы, всей кожей она ощутила леденящее дыхание ужаса, охватившее тогда всех в доме.

– Пока я бежал вверх, вдруг услышал какой-то звук, поэтому оглянулся. Знаете, случайно получилось так, что я бежал последним, и вот вижу – позади меня у самого подножия лестницы стоит Кид с винтовкой в руках. Я уже обернулся, чтобы выстрелить, как вдруг поскользнулся и кубарем скатился с лестницы. Тогда-то и сломал ногу. А Кид преспокойненько поднялся по лестнице. И тут – чтоб я сдох! Вы не поверите! – в доме будто разверзся ад! Грохот стоял такой, что у меня заложило уши. А потом вдруг стало тихо. Я услышал, что кто-то, посвистывая, спускается вниз. Приоткрыл один глаз, гляжу – Кид! Около меня он остановился, свернул мне сигарку и сказал: «Не повезло тебе, Три Карты». – Алек помолчал, а потом, глянув в склонившееся над ним девичье лицо, добавил: – Вы бы тоже не отказались посмотреть на такое!

– Да! – потрясенно выдохнула Джорджия. – Это точно!

Глава 6

Малыша выследили

Малыш Кид провел с рыжеволосым Дейви Трейнором достаточно времени, чтобы мальчишка всласть накатался на Дак Хок. Потом сунул руку в карман и извлек маленький нож. В нем было три лезвия из сверкающей стали, которые он и продемонстрировал онемевшему от восторга малышу, терпеливо объяснив, для чего они. Сунув мальчишке нож, Кид вскочил в седло.

Дейви стоял рядом, запрокинув голову и пожирая глазами силуэт своего героя на фоне ярко-синего неба.

– Значит, вы не собираетесь вернуться как-нибудь на днях? – спросил он.

– Может быть, – протянул Кид. – Ты уж, сделай милость, не забывай меня!

– Я?! – возмутился мальчуган. – Чтоб я сдох, если забуду! До свидания, Кид!

– До свидания! – ответил тот. Потом снял с головы широкополую шляпу, приветственно помахал в сторону окна, стена которого была сплошь увита виноградом, и громко крикнул: – Мэм, вы взяли слишком низко! – И, с этими словами повернув лошадь, поехал дальше.

Старый Джон Дейл клялся и божил, что собственными глазами видел, как Малыш выехал из города, и кобыла его шла тютелька в тютельку под тот марш, который он насвистывал себе под нос. Эти двое, уверял он с суеверным ужасом, похоже, прекрасно понимали друг друга без слов.

Затем Кид с Дак Хок перебрались по мосту через горный ручей. Во всяком случае, так говорили ребята Уорнера, Пол и Нед, которые как раз рыбачили, свесив ноги со старого каменного постамента, зачем-то построенного здесь в незапамятные времена. Увидев Кида, они мигом вскочили на ноги и оглушительно заорали, забыв, что могут распугать рыбу. До Малыша донеслись их вопли. Он обернулся в седле и дружески им помахал. Мальчишкам показалось, что настроение у него – лучше некуда. Давно они его не видели таким по-детски веселым, он даже заставил кобылу встать на дыбы так, что она оперлась передними копытами на перила моста.

Зная, что изгородь сделана из старого, давным-давно прогнившего дерева, Пол и Нед затаили дыхание. «Что он, рехнулся?» – мелькнуло у них в голове.

Но в то же мгновение Дак Хок резко отпрянула назад, а Кид еще раз махнул рукой на прощанье и ускакал. Ребята уверяли, что он поехал старой тропой Лэнгтона, змейкой выходящей между холмов.

Действительно, Кид ехал по ней до самого полудня, поднявшись к этому времени по горному хребту уже так высоко, что Драй-Крик был виден ему как на ладони. Помедлив немного там, где тропинка, огибая подножие холма, делала петлю, он осмотрелся. Отсюда можно было заметить любого, кто вознамерился бы следовать за ним. Более того, с этого места отлично была видна вся равнина, которая лежала позади городка.

Возле небольшого ручейка Кид спешил и дал кобыле напиться. Вынув из седельной сумки бинокль, он принялся внимательно изучать окрестность. Вначале осмотрел невысокие холмы на севере и далекие склоны гор за ними, потом перевел взгляд поближе, где, сверкая на солнце многочисленными окнами, лежал Драй-Крик.

Вид города вызвал у Малыша легкую усмешку, будто его существование уже само по себе было забавным. Затем постепенно он перевел бинокль на равнину и дальше туда, где серела пропыленная насквозь листва лощины, потом внимательно вгляделся в облака пыли на дороге, особенно в те, которые двигались по направлению к Драй-Крику.

Таких подозрительных пыльных облачков было три. Это могли быть верховые или повозки с грузом, да и что угодно другое. Тщательно прикинув на глаз расстояние до них, Кид продолжил внимательно следить за каждым.

Конечно, толку от этого было мало, поскольку он мог только приблизительно догадываться, с какой скоростью двигались пыльные облачка. Однако ему было прекрасно известно, насколько далеко находится лощина от того места, где он затаился. И еще Малыш с удивлением заметил, как два облачка из трех повернули назад, а третье продолжило катиться к городу.

Из всего этого он сделал вывод, что первые два – это, скорее всего, верховые, скачущие быстрой рысью или даже галопом. Что же касается третьего, то оно похоже на отряд, едущий неторопливым шагом, либо, что еще вероятнее, на тяжело нагруженную повозку торговца.

Убрав в сумку бинокль, Кид выпрямился и уже спокойно обвел окрестность невооруженным взглядом. Это была страна, которую он любил. Ему здесь нравилось все. То, что он видел, не походило на пересохшую от зноя, растрескавшуюся на солнце пустыню. Не было здесь и уныло шумящего над головой зеленого шатра леса. Перед глазами Малыша изломанной цепью тянулись невысокие холмы, радующие разнообразием форм. Склоны их пестрели кокетливо разбросанными тут и там зелеными заплатками кустарника, то высокого, то совсем низкого. Деревьев здесь тоже было немало, но они заполняли овраги и лощины между холмами. Как это обычно бывает в подобной местности, из конца в конец тянулись бесчисленные тропинки, проложенные стадами. Только старожилы знали, как опасно довериться хоть одной из них. Их повороты, петли и изгибы легко заставили бы заблудиться любого. Это была земля, которую надо было знать, и знать хорошо. К тому же не помешало бы при этом иметь под собой доброго коня, который бы родился в здешних краях, умел карабкаться вверх по коварно пологим склонам холмов, мог легко взлететь на вершину, там перейти на рысь, а потом размашистым шагом спуститься вниз по противоположному склону – и все это быстро, ни на минуту не замедляя хода, однако так плавно, чтобы на взмокших от пота плечах не осталось ни малейшей потертости. Такой конь за день мог покрыть вдвое, а иногда и втрое большее расстояние, чем животное, не знакомое со здешними местами.

Кид очень хорошо знал эту землю, хотя ему все еще казалось, что недостаточно. Ничто не могло притупить жгучего, почти любовного интереса, с которым он вглядывался в раскинувшуюся перед ним картину. Ему казалось, что необходимо точно знать, где растет какое дерево, поэтому сейчас, когда у него было время, старался уделить внимание подобным деталям.

В эту минуту Малыш напоминал орла, который, меняя место гнездовья, взмывает высоко под облака и описывает в воздухе широкие круги, чтобы зорким оком рассмотреть все, что находится под ним. И так было всегда. А в результате, попав в незнакомое для себя место, он уже через день знал его как свои пять пальцев. Потом, когда нетерпеливые преследователи дышали ему в затылок и уже были готовы настичь в любую минуту, Кид вдруг уходил буквально у них из-под носа, оставив их с пустыми руками. Преследователи обычно потом долго проклинали беглеца на чем свет стоит, изумляясь, как это ему удалось испариться в местах, которые они знали как собственный дом.

Сняв с кобылы тяжелое седло и уздечку, Малыш пустил ее попасть на зеленой лужайке. Она с удовольствием щипала траву, а он, прищурившись, внимательным и любящим взглядом обводил раскинувшуюся перед ним равнину. Он знал, что между многочисленных отрогов гор всегда можно найти воду, а еще там множество глубоких расщелин и оврагов, где всадник при желании укроется даже с лошадей, особенно если она заранее приучена ложиться на землю и по приказу хозяина вести себя тихо.

Было здесь и множество таких мест, откуда нетрудно было незаметно проследить за кем угодно. Вся равнина из конца в конец была испещрена бесчисленными дорогами и тропами: и петляющими, будто след зайца, и прямыми, как стрела. Он знал, по каким из них можно было без опаски ехать в любое время дня и ночи, не боясь получить пулю в спину. Знал и другие

– тропы вдоль обрывов, где мрачно свистел ветер, а всадник, петляя между скал, покрывался холодным потом, рискуя каждую минуту рухнуть в бездонную пропасть.

Как бы там ни было, это была его земля, и он любил ее. Она была его домом. Конечно, бывал он и в других краях, которые ему тоже нравились. Но нигде Кид не чувствовал себя так спокойно и уверенно, как здесь.

Бросив вниз последний взгляд, Малыш вытащил из сумки еду. Любой араб, вне всякого сомнения, при виде подобной скромной трапезы пришел бы в неописуемый восторг, потому что в свертке не было ничего, кроме горсти сушеных фиников и ломтя черствого хлеба. Кусочек финика, кусочек хлеба... Он медленно жевал их по очереди с наслаждением проголодавшегося человека, ведь с утра ему пришлось отмахать немало миль.

Покончив с едой, слишком скромной, чтобы утолить голод, Кид напился ледяной воды из ручья, а потом уселся на берегу, лениво наблюдая, как по песчаному дну быстро движутся неясные тени, а солнечные зайчики весело прыгают на крошечных осколках блестящей слюды.

Вообще-то в жизни Малыша Кида интересовало множество вещей. Еще ни разу ему не доводилось видеть столь мертвую и безжизненную пустыню, в которой он не нашел бы для себя ничего любопытного. Оторвавшись от созерцания горного хребта, он принялся с усмешкой следить, как хлопотливо пробирался сквозь густую траву муравей, волоча за собой отгрызенную голову гигантского жука, по меньшей мере вдвое больше его самого и вчетверо тяжелее. Муравей терял эту голову раз десять за то время, пока наблюдал за ним, и десять раз терпеливо вновь находил, поднимал и упрямо тащил вперед, протискиваясь сквозь заросли, карабкаясь то вверх, то вниз, но при этом неудержимо продвигаясь вперед.

В восьми футах от Малыша был муравейник, куда, скорее всего, муравьишка и направлялся. Но для него это были не восемь футов, а восемь миль каторжного труда.

Легкий звук удара подковы о камень заставил Кида поднять голову. Перед ним стояла Дак Хок. Кобыла замерла, как изваяние: голова вытянута, раздутые ноздри втягивают воздух, чуткие уши ловят каждый звук.

Малыш не медлил ни секунды. Привычным жестом он молниеносно накинул ей на спину седло, и они быстро двинулись по тропинке туда, где он еще раньше заметил нагромождение остроконечных скал. Проскользнув между ними, добрались до густых зарослей кустарника и деревьев, которые надежно скрыли и человека, и лошадь.

Здесь Кид принялся ждать. Прошло не так уж много времени, когда с той стороны, где тропа сворачивала к югу, послышался отдаленный стук копыт. Звякнула подкова. Он знал это место – там тропинка была усыпана камнями. Потом коротко фыркнула лошадь. Звуки все приближались, становились отчетливее, и, наконец, из-за угла вынырнул всадник на прекрасном коне, ведя в поводу еще двух лошадей.

Насколько Малыш мог разглядеть, мужчина был вооружен короткоствольным карабином или винтовкой, которая была перекинута через луку седла. С него же свисали две тяжелые кобуры, из которых торчали рукоятки револьверов, а рядом болтался внушительный патронташ.

Каждая из двух лошадей была навьючена небольшим свертком, но по всему было видно, что они ничего не весят. Скорее всего, незнакомец использовал обоих животных для смены, чтобы его великолепный жеребец время от времени мог отдохнуть.

А сам всадник был настоящим жителем Запада – высоким, поджарым, чуть ли не костлявым и мускулистым от непрерывного тяжелого труда. У здешних жителей оставалось слишком мало времени для безделья, потому редкий из них мог похвастаться даже тонким слоем жира. И лицо у мужчины было костистое, загорелое, с великолепным лбом – высоким и упрямым. Маленькие морщинки лучиками собирались в углах рта, позволяя предположить, что этот человек любит посмеяться и не считает зазорным иной раз сам пошутить. Сейчас, однако, он даже не улыбался, в чем легко было убедиться, бросив на него всего один взгляд.

На вид ему можно было дать около сорока. Спина его была прямой, как стрела, голову он нес высоко, будто король, а быстрый, внимательный взгляд был ничуть не менее острым, чем у самого Кида.

Подумав об этом, Малыш улыбнулся, продолжая внимательно следить за всадником. Тот между тем приближался. И вот поравнялся с тем местом, где еще недавно Кид поглощал свою скромную трапезу, пока кобыла паслась в двух шагах от него.

Мужчина рывком выпрямился в седле, туго натянул поводья и машинально поправил карабин, так, чтобы он был под рукой. После этого повернул лошадь и принялся всматриваться в скалы и деревья, окружавшие его со всех сторон, точно так же, как орел оглядывает небо в поисках желанной добычи. Было и еще что-то в его манерах, напоминающее хищную птицу, – то ли яростное стремление поразить врага, то ли голод, который ясно читался в его глазах.

Окинув все вокруг испытующим взглядом, он, казалось, немного успокоился. Однако через мгновение соскочил на землю и принялся внимательно рассматривать траву, явно догадываясь по тому, как распрямлялись смятые стебельки, что если кто-то здесь и был, то очень недолго, а уехал совсем недавно. Потом мужчина снова выпрямился во весь рост и еще внимательнее принялся вглядываться в скалы и расщелины, которых тут было немало. Наконец вскочил в седло и отправился на поиски.

Глава 7

Лощина

Итак, охота на человека началась. К счастью, ветер дул в сторону Кида.

Только поэтому он решился так рискнуть – поставить на карту все, уповая лишь на ум и невероятную сообразительность Дак Хок. Ему достаточно было слегка повернуть голову кобылы назад, где в густой поросли кустов чернел проход, а потом махнуть рукой, как она послушно направилась туда.

Все это было проделано почти бесшумно. Умная кобыла с самого рождения привыкла двигаться беззвучно, как кошка, заранее выбирая, куда поставить ногу. В этих местах, где леса тянутся сплошной стеной, дикие лошади с рождения знают, как важно, чтобы тебя не было слышно. Те, кто не понимает этой простой истины, погибают молодыми. Горные львы – прекрасные наставники. Поэтому Дак Хок двинулась вперед с привычной осторожностью, а если и хрустнула случайно задетая ветка, то этот звук поглотил шорох листвы под внезапно налетевшим порывом ветра. Благополучно оставив за собой густые заросли, в которых укрылся хозяин, она обернулась и вопросительно взглянула на него, но Кид лишь махнул рукой, приказывая ей идти дальше. Кобыла пробралась по узкой тропинке до выступа скалы, свернула за него и исчезла.

Теперь, когда Малышу удалось избавиться от лошади, пришло время подумать, как действовать самому. К этому времени незнакомец уже успел разобраться в следах и бодро продвигался вперед по той самой тропинке, где еще совсем недавно проезжал и он. Кид не сомневался – не пройдет и минуты, как этот человек отыщет его укромное убежище в лесистой лощине.

Мысли эти вихрем пронесли у него в голове. Малыш бросился на землю и с ловкостью ящерицы прополз несколько метров в том же направлении, где скрылась кобыла, пока наконец не добрался до дерева, которое показалось ему подходящим для осуществления его замысла. Подпрыгнув, он подтянулся и ловко вскарабкался вверх, потом отыскал ветку, которая могла бы выдержать его вес, и с комфортом вытянулся вдоль нее.

К сожалению, ветка все-таки была довольно короткой. Поколебавшись немного, Кид кое-как обвился вокруг нее наподобие гигантской змеи. Во всем его облике вдруг появилось нечто нечеловеческое, присущее скорее дикому зверю. Крепко ухватившись за ветку руками и ногами, упираясь каблуками в ствол, он ухитрился держаться довольно цепко. Любой другой на его месте уже давно бы разжал руки и рухнул вниз, не выдержав чудовищного напряжения, но Кид обладал цепкостью и упорством обезьяны. Затаив дыхание, он ждал, пока наконец из кустов не появилась морда мустанга. Всадник, склонившись над тропой, внимательно изучал следы на траве, оставленные Дак Хок.

Добравшись до того места, где останавливался Малыш со своей лошадью, он на мгновение замешкался, но тут же двинулся вперед. С каким-то диким, животным упорством этот человек шел по следам копыт лошади, читая их, как открытую книгу. Уголки рта его чуть заметно подергивались, и вдруг губы раздвинулись в хищной, торжествующей улыбке. Глаза Кида, которые ни на мгновение не отрывались от лица незнакомца, чуть заметно сузились. Ему показалось чудовищным, как можно радоваться тому, что через мгновение ты надеешься уничтожить себе подобного. Но у самого при мысли о том, что сейчас он из добычи превратился в охотника, в груди поднялось какое-то первобытное ликование.

Глаза всадника были опущены вниз. Только мустанг, когда они уже были под деревом, видимо, почуял нечто странное в ветке, низко нависшей над тропой, и поднял голову. В это самое мгновение Кид прыгнул на врага.

Если бы не лошадь, он подождал бы еще мгновение, когда незнакомец окажется прямо под ним, и все было бы кончено в несколько секунд. А сейчас, когда лошадь испуганно шарахнулась в сторону, ему пришлось бросить свое тело вперед. Всадник вскинул голову как раз вовремя, чтобы встретить опасность лицом к лицу. И хотя его рука с быстротой молнии выхватила из кобуры тяжелый револьвер, стрелять было слишком поздно. Сброшенный сильным толчком, он вылетел из седла.

Уже падая, мужчина с кошачьей ловкостью успел мягко перевернуться в воздухе и вскочил бы на ноги, если бы руки Кида, куда более сильные, не швырнули его на землю. Он распростерся на тропинке, и в ту же минуту на него сверху обрушилось тяжелое тело. Придавленный, мужчина едва дышал, однако, увидев молодое лицо противника, удивленно заморгал.

– Здорово, Чэмп! – сказал Кид.

– И тебе того же, Малыш, – откликнулся Чэмп. Глаза его сверкали зеленым огнем, как у хищного зверя, но голос прозвучал ровно и неторопливо, как будто ничего не случилось. – Вот уж не думал, что в это время года с деревьев сыплются спелые увесистые орешки вроде тебя, парень!

– Скажи спасибо, что попал в хорошие руки, – усмехнулся Малыш. – Послушай, старина, надеюсь, я тебя не зашиб?

– Нет, – буркнул тот.

– Ну что, дружище, стрелять не будешь?

– Вовсе нет. С чего ты взял?

– Вот и отлично, – кивнул Кид. – Тогда я встаю?

– Конечно, давно пора!

Услышав это, Малыш медленно поднялся, ни на мгновение не спуская глаз со своего недавнего противника. Впрочем, он тут же заметил, что и тот пристально разглядывает его. Оба они, похоже, не доверяли друг другу. Во взглядах, которые то один, то другой украдкой кидал на соперника, чувствовалась настороженность. Несмотря на невозмутимый голос, огонек, горевший в глазах Чэмпа, и странная усмешка, то и дело кривившая тонкие губы, свидетельствовала о том, что он что-то замышляет.

Тем не менее до поры до времени мужчина сдерживался. Несколько раз рука его уже, казалось, была готова схватиться за рукоятку тяжелого кольца, но каждый раз в последнюю секунду какая-то неожиданная мысль заставляла его передумать.

– А я и не знал, что ты меня ищешь, – сказал Кид, а потом он коротко и резко свистнул, несколько раз повторив сигнал.

Откуда-то издали послышалось ржание кобылы.

Услышав это, Чэмп угрюмо кивнул:

– Да, верно мне говорили. У тебя не просто лошадь, а настоящий партнер. Вот она, значит, какая – твоя Дак Хок!

– Да, она мой настоящий друг.

– Ну вот, если хочешь знать, я вовсе не следил за тобой. Просто ехал по своим делам, а тут на глаза попались следы копыт. Захотелось узнать, кого это черти понесли в лес.

– Выходит, так было дело?

– Точно.

Кид кивнул. На лице его появилась добродушная улыбка.

Эти приграничные жители были превосходными актерами – они так искренне смотрели друг на друга, так правдоподобно и естественно улыбались! Послушать их – встретились давнишние друзья. Во всяком случае, в данный момент не стоило опасаться, что Чэмп Диксон перейдет к немедленным действиям. Судя по всему, он сам считал, что для него же будет лучше выбросить такие мысли из головы. По крайней мере, на какое-то время.

– Я нарочно убрался с тропы, если хочешь знать. Дай, думаю, пропущу человека, – сообщил Кид.

– Вот оно как, значит? – протянул Чэмп.

– Ну вот, видишь, я рассказал тебе, как было дело, – продолжил Малыш, – ты же меня знаешь, Чэмп, я парень стеснительный. Терпеть не могу, когда незнакомые люди дышат мне в затылок или наступают на пятки. А потом, ведь как бывает? Встретятся люди на тропе и ну болтать да сплетничать, а время уходит. Ужас! Я этого не люблю! Дак Хок тоже. Она у меня нетерпеливая! – При этих словах Кид немного тщеславно, хотя и по-доброму улыбнулся, отчего простодушный вид, который он напустил на себя, стал еще убедительнее.

– Понимаю, – кивнул Чэмп и внезапно широко улыбнулся в ответ. – А знаешь, ты прав! Я тоже терпеть не могу толчею на дороге! Ну вот мы и поняли друг друга. А теперь, если не возражаешь, давай вернемся туда, где привязаны мои лошадки.

– Идет, – согласился Кид. – Похоже, Диксон, у тебя там целый караван!

– Да уж, – усмехнулся Чэмп Диксон. – Богом клянусь, эта парочка скакунов, захоти я только, понесется так, что пыль поднимется столбом. Да что я тебе рассказываю? Сам знаешь, парень, если собрался в дальнюю дорогу, меньше чем тремя лошадьми не обойтись! – Он поднял голову, посмотрел на дерево, с которого на него прыгнул Кид, и охнул. – Господи, да ведь на нем и белке-то не усидеть!

– А я и не сидел, – пояснил Малыш. – Я... Как это сказать?... Обвился вокруг вон той ветки и висел на ней. – Он ткнул куда-то через плечо большим пальцем, по-прежнему не отрывая глаз от своего противника.

Чэмп Диксон кивнул, заулыбался и громогласно заявил:

– Ты и раньше обожал это дело. Знаешь, у меня немало знакомых парней, которые отлично знают пустыню, а в горах, к примеру, теряются, как малые дети. Держу пари, старина, ты тут уже не раз побывал и поосмотрелся. А вон идет твоя Хок, мой мальчик. Ну и красавица же она у тебя! – с восхищением проговорил он.

В конце тропы с высоко поднятой гордой головой показалась Дак Хок. При виде хозяина глаза ее радостно и лукаво засияли. Можно было подумать, кобыла счастлива, что смогла помочь ему в той небольшой шутке, которую он только что разыграл.

– Я собираюсь перекусить, – сообщил Диксон. – Но насколько понимаю, ты уже подзаправился? Может, вернемся? Поболтаем о прежних днях, а, дружище?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Кид.

Они вернулись на то же самое место на берегу ручья, где еще совсем недавно сидел Малыш. Обе лошади принялись с аппетитом щипать свежую, сочную траву, и вдруг на Кида снизошло какое-то сонное оцепенение. Привалившись спиной к скале, он вытянул ноги и зевнул.

Диксон в это время невозмутимо жевал толстый ломоть мяса, заедая его жареной кукурузой.

– Держу пари, ты страсть как любишь карабкаться по скалам, – вдруг сказал он.

– Ну, – протянул Кид, немного подумав. Веки у него явно слипались. – Давай лучше начистоту. Встретил я тут одного малого, который рассказал, будто как-то ночью своими ушами слышал, что ты говорил обо мне. И при этом не особенно выбирал выражения.

– А кто этот парень, который рассказал тебе такую чушь? – злобно клацнув зубами, поинтересовался Диксон.

– Кто он такой? Ну, имени его я не запомнил. Если бы знал, что понадобится, тогда, конечно, не забыл бы. А так нет.

– Дураки те, кто повторяют чужие слова. Беды с ними не оберешься! Мало того, что все перепутают, так еще и наврут!

– Так оно и есть! – серьезно подтвердил Кид.

– А сколько человек из-за такой ерунды заплатились жизнью?!

– То-то и оно, – с тем же выражением на лице отозвался Кид.

– Поэтому если скажешь мне, кто этот проклятый обманщик, который заявил, будто бы я...

– Ну, – перебил Кид, – боюсь, не смогу тебе этого сказать. Да и потом, какая разница, даже если все, что он говорил, правда? А то я не знаю, как это бывает, когда день за днем в одиночку держишь путь по горной тропе? Потом, когда встретишь приятеля да пропустишь вместе с ним пару стаканчиков, чтобы на душе стало теплее, болтаешь без удержу. Тому бедняге явно смелости не хватало, вот и потребовалось себя подогреть. Держу пари, ему мерещилось, что он одной рукой может мир перевернуть, а на самом-то деле этот сопляк и в луже бы захлебнулся, как слепой котенок.

Столь красочное сравнение заставило Чэмп Диксона широко и добродушно ухмыльнуться.

– А вот я, – заявил он, – могу тебе сказать все без утайки. Пришел тут как-то ко мне человек и сообщил, что слышал, будто ты назвал Диксона, то есть меня, ни на что не годным стариком! Пришло, дескать, время вышвырнуть его с тропы, а коли желающих не найдется, то он... то есть ты с радостью возьмешь это дело на себя.

– Неужто я такое говорил? – удивился Кид и лениво проследил за легким, кудрявым облачком возле самого горизонта, словно советуясь с ним, что ему ответить. Но ждать помощи от неба было по меньшей мере наивно. Потому он сказал: – Ладно, Чэмп, твоя взяла. Расскажу тебе, как было дело. Этот малый болтал без умолку, как человек, который не в своем уме. Держу пари, сейчас он уже ничего и не вспомнит. Но я-то не сошел с ума, да и пьяным никогда не бываю – кому, как не тебе, это знать! Так что, клянусь, я никогда и ничего такого не говорил. Хотя бы потому, что мне и в голову бы не пришло сказать такое о тебе. Старик?! Скажешь тоже!

– Так, значит, не говорил? – уточнил Диксон.

– Нет.

Наступила пауза. Двое мужчин не сводили друг с друга горящих глаз.

– Послушай, – не выдержал Диксон. – Вроде ты никогда не врешь.

– Да, – кивнул Кид. – Так оно и есть.

– Что же, выходит, ты никогда ничего против меня не имел?

– Именно так, старина. Никогда, поверь.

Вдруг Чэмп Диксон вскочил на ноги.

– Ну, сдается мне, пришло время кое с кем разобраться! – рявкнул он. – Надо же, врут и не краснеют! Погодите, дайте только до вас добраться, уж я вам ваши лживые языки мигом поотрываю! Кид, старина, а я-то, грешным делом, подумал... Ну, да Бог с ним! Давай руку, дружище, и забудем об этом!

Глава 8

Большое дело

После того как они обменялись рукопожатиями, Диксон стал, казалось, совсем другим человеком.

– Этот грязный пес, что сказал мне... – начал он грозно.

– Только не говори мне, как его зовут, – остановил его Кид. – Знаешь, Чэмп, от таких людей в мире и без того достаточно бед.

– Но как же так? А если этот парень рассказывает о тебе всякие небылицы?

– И что? Прикажешь убивать каждого, кто это делает?

– Да, в общем, ты прав. Но ведь каков мерзавец!

– Это точно. Только вот ведь что, Диксон, подумай сам – человеку без кола, без двора обижаться не приходится. Обязательно найдется желающий вымазать его грязью. Нельзя же рассчитывать прожить всю жизнь и не запачкаться, верно?

Чэмп Диксон ухмыльнулся.

– Это Моррисон шепнул мне, что ты поехал сюда, – объявил он. – А я, признаться, не верил, пока сам не убедился. Черт возьми, Малыш, послушать тебя, так все эти городские – просто ангелы небесные по сравнению с бедолагами вроде нас, которые, можно сказать, проводят жизнь в седле!

Кид пожал плечами.

– Господи, да ведь среди них полным-полно таких, которые перережут тебе глотку и не охнут! – взорвался Чэмп. – Неужто ты этого не знаешь?! А здесь, на тропе... сам видишь! Дьявольщина, да ведь и минуты не прошло, как мы с тобой уладили это дело!

– Может, ты и прав, – сказал Кид.

– И потом, эти парни, которые, можно сказать, не слезают с седла... Ведь общество попросту выкинуло их, и все только из-за подлости вот таких мерзавцев, а вовсе не потому, что они чего-то натворили.

– Я это уже не раз слышал, – откликнулся Кид. – Только вот что-то не больно верится.

– Ну, раз так, послушай, как это было со мной, – предложил Диксон. – Когда-то я был, что называется, порядочным человеком и дела мои шли неплохо. Имел маленькое ранчо. Не поверишь, но в те времена у меня и мысли не было нарушить закон. Ранчо мое было неподалеку от Пекоса... там, внизу, в долине. Чудесное маленькое ранчо, говорю я тебе...

Кид заметил, как взгляд Диксона смягчился. Воспоминания затуманили ему глаза. На мгновение Чэмп перенесся мыслями в счастливое прошлое.

– Даже жена у меня была. Я разводил скот и жил припеваючи. Коровы жирели день ото дня, и у нас было все, что нужно людям, чтобы быть счастливыми. А потом появился Пи Джефффорд – ему, видишь ли, понадобилась моя земля! Я отказался продать ранчо. Тогда он сговорился с этим вонючим скунсом, Диком Оригеном, пообещав, что щедро заплатит за каждую корову, которую ему удастся увести с моей земли. Много времени тому не понадобилось. Я разорился, и банк за долги отобрал мое ранчо. А моя жена... Очень скоро она поняла, что даром тратит время возле парня, которому в жизни больше ничего не светит. Недели не прошло, как у меня не стало ни ранчо, ни жены, ни счастья. А почему? В чем я виноват? Разве я совершил какое-то преступление? Да нет, просто на моем пути встал этот мерзавец, который делал вид, будто он честный человек. А сам уничтожил меня, вышвырнул из жизни, как ненужную тряпку. Вот тут-то я и решил, что общество наше кое-что мне задолжало. И теперь оно отдает долг, так я это понимаю.

Кид молча кивнул. Потом свернул сигарку и о чем-то задумался, выпуская струи голубоватого дыма. Наконец сказал:

– Послушай-ка, Чэмп...

– Да? Что такое?

– Вот мне тут пришла в голову одна мыслишка. Хочешь, чтобы твое ранчо вернулось к тебе и все стало как раньше?

– Ах, вот это была жизнь, Малыш! Смотреть, как пасется твой скот...

– Сгонять его? Тебе это нравилось, верно?

– Лучшей жизни я не знал!

– Послушай, Чэмп, я сейчас не об этом! Мне бы хотелось, чтобы ты вспомнил совсем другие деньки – к примеру, тот вечер, когда ты в Карнедасе вскрыл сейф в Первом Национальном, неужто не помнишь? Во всяком случае, так мне рассказывал Билл Джексон.

– Конечно помню. Вечерок был что надо! – Короткий смешок замер на губах Диксона. – Вот это было дельце, старина! Умирать буду – не забуду тот вечер!

– Скажи, разве твое ранчо когда-нибудь приносило тебе такие деньги?

Чэмп уже открыл было рот, чтобы ответить, но передумал и уставился куда-то вдаль.

– Разве на твоём ранчо ты когда-нибудь испытывал что-нибудь подобное? – настаивал Кид.

И снова Чэмп промолчал. Тогда Малыш продолжил:

– Чэмп, в моей жизни не было безжалостного шерифа, который заставил меня выйти на большую дорогу. Никому и никогда не удавалось ограбить меня, одурачить или выставить дураком, – никому на свете!

– Знаешь, ведь тяжелые времена могут толкнуть человека на многое! – робко вставил бедняга Чэмп.

– Тяжелые времена меня миновали, – покачал головой Кид. – Денег у меня всегда хватало. Я вырос в хорошей семье. С детства ходил по персидским коврам и мог каждый день в половине пятого пить чай, а по вечерам ездил в оперу, сидел в ложе и любовался на дам в атласе и жемчугах. Но все это было не по мне. Тьма-тьмущая роскошных туалетов и слишком мало мест, куда можно было пойти.

Чэмп слушал приятеля затаив дыхание. Губы его были плотно сжаты, глаза потемнели. Но вдруг он заговорил:

– А здесь? Что здесь-то такого, кроме пустыни, где, того и гляди, хватит солнечный удар, и гор, где по утрам зуб на зуб не попадает? Что ты получил? Стертые ноги да вечно ноющую спину?! Кругом грязь, грязь без конца! Разрази меня гром, Кид, порой мне приходит в голову, что я с радостью променял бы нынешнюю жизнь на какой-нибудь укромный домишко, только бы в нем стояла медная ванна да чтобы горячей воды было сколько душе угодно! Черт меня подери, порой эта жизнь слишком тяжела для меня!

– Да, – кивнул Малыш. – Эта жизнь тяжела для всякого, кто ее не любит. Пусть они забирают себе мягкие ковры, теплые клозеты и чай в постели, мне не жалко! А я готов не задумываясь отдать все это и многое другое за то, чтобы иметь возможность самому подстрелить себе бифштекс, а потом поджарить его на костре и съесть еще горячим! Кому-то, может, и нравится жить с кем-то рядом. А я предпочитаю быть один. Кто-то подглядывает за другими, стараясь выглядеть точь-в-точь как его кумир. А я буду лучше любоваться тем, как бегут мустанги и дикие горные кошки – вот на кого хотелось бы мне походить! Они кричат, что живут по закону! А я вне закона! Я выше закона, Чэмп! Я плюю на закон, потому что он не стоит моего мизинца! – Зевнув и потянувшись, Кид пробормотал: – Глупо это, должно быть, звучит. Ну что ж, зато я сказал все, как думаю. Знаешь, я ведь ни разу не был дома с тех пор, как уехал. И никогда не вернусь, лучше окончу мои дни в седле. Я – отрезанный ломоть. Даже свое настоя-

щее имя забыл. И зато свободен, свободен как птица, старина! – И он расхохотался. И столько было в его смехе пьянящего счастья, что Чэмп невольно улыбнулся тоже:

– Ты – сам по себе, Малыш. Но не от тебя первого я такое слышу, уж можешь мне поверить. Слава Богу, что тебе хоть не пришлось в голову петь осанну чистому горному воздуху, волшебной красоте заката и тому подобной чепухе! А то я уж было испугался не на шутку!

– Знаю. Я заметил, так что решил обойтись без этого.

– А где ты успел побывать?

– На юге. Мы с Хуаном Жилем, португальцем, погуляли в Юкатане. Очень жарко, скажу я тебе. Зато золотишко есть. – Малыш снова зевнул.

– Намыл небось?

– Немного. Впрочем, пришлось потом купить мула, чтобы вывезти то, что я намыл.

– Это ты о золоте?!

– Да. Как раз столько бедняге Хуану Жилю удалось намыть на старой шахте. Терпеливый он парень, этот Хуан!

– Так ты что же, избавился от него?

– Пришлось. В один прекрасный вечер он чуть было не перерезал мне глотку. Видишь ли, видимо, он решил, что моя доля мне не понадобится.

– И что ты с ним сделал?

– Обвязал веревкой вершины двух деревьев, согнул их, а потом привязал парня за ноги к каждой. Конечно, когда они распрямились, то не разорвали его на две половинки, но и удовольствия большого он не получил, за это я ручаюсь! Вот так я его и оставил – болтающимся между небом и землей и орущим на всю округу. А потом взял мулов, все золото, ради которого Хуан хотел пустить мне кровь, и убрался восвояси. Он клялся и божился, что выпустит мне кишки. Я слышал, что ему все-таки удалось выпутаться. Отделался только сломанными ногами.

– Но сейчас ты, похоже, не торопишься, – заметил Чэмп.

– Что ты хочешь? Отсюда до Юкатана далеко, – усмехнулся Кид. – Не могу же я ехать день и ночь напролет.

– Да уж, только, сдается мне, ты даже в пустыне умудряешься искать удовольствие, верно?

– Точно, – вздохнул Кид. – Держу пари, даже старый добрый Мехико пару раз краснел из-за меня. А мне-то казалось, что он забыл об этом пару сотен лет тому назад. А ты чем занимался?

– Я тоже когда-то торговал слитками, – признался Диксон. – И веришь, хорошо брали, если, конечно, удавалось заехать достаточно далеко на Восток. Но в последнее время проклятые шерифы и их помощники что-то совсем озверели. Поэтому я решил заняться другим делом.

– И чем же, если не секрет?

– Захват прав на воду. Это тебе что-то говорит?

– Еще бы! Только в этом нет ничего нового.

– Само собой. Так даже лучше. Это игра, в которую играли и будут играть до тех пор, пока люди не вызубрят все ходы на память.

– Тебе это нравится?

– А почему нет? По крайней мере, даже забавно.

– Тогда расскажи, как ты это делаешь.

– Да очень просто. Приглядываюсь и выбираю в округе такие ранчо, на которые у их хозяев не особенно законные права. А здесь у многих сомнительные права на землю. Кое-кто купил ее у индейцев или у какого-нибудь обнищавшего испанского аристократа, а то и у мексиканцев, да к тому же в соответствии с ихними законами, то есть по-нашему – незаконно. А бывает и так, что землю берут у тех, кто поселился здесь давно, потом разорился дотла и

вот хочет убраться поскорее – такие готовы сбыть ее за бесценок. А потом выясняется, что они и прав-то на нее никогда не имели, потому что не подавали заявок. Мы сначала осматриваемся, то есть я и Шей, выбираем подходящие ранчо, а потом в один прекрасный день сваливаемся этим олухам как снег на голову и захватываем участок с самой лучшей водой, объявив его гомстедом⁴. Сам посудите: ни на одном сколько-нибудь крупном ранчо по соседству с ранчо Милманов нет ни единого нормального ручья или реки. Объяви этот участок с водой своим, и что им делать? Покупать воду у соседей? Можно, конечно, гонять туда каждый день скот на водопой, но это черт знает сколько миль, представляешь? Разумеется, можно обратиться к закону, только вряд ли что из этого получится. Само собой, они рады перерезать нам глотки, но знают, что за это грозит пеньковый галстук. Поэтому кое-кто просто сам уходит. Вот так, старина, тот случай, когда бедному переселенцу приходится защищать свои права. – Чэмп Диксон коротко хохотнул, восхищаясь своей ловкостью, и продолжил: – Да, вот так, Малыш, все в соответствии с буквой закона. А Шей действует заодно с одним пронырой законником, который может с легкостью доказать, что черное – это белое. Да и к тому же у него всегда под рукой парочка негодяев, готовых под присягой подтвердить все, что угодно, даже сколько волос было в бороде у старика Ноя. Так что если доходит до суда, шанс один к двум, что решение будет в нашу пользу. Обычно дело кончалось тем, что беднягам приходилось платить за каждую каплю воды, которую выпивали их коровы, а мы с Билли катались как сыр в масле. Ну, что скажешь, дружище, разве это не жизнь? Присоединяйся, и тебе кое-что обломится! – И вдруг он побагровел, осекся на полуслове. В первый раз Диксон заметил, что Кид не сводит с него глаз, а на лице у него уже нет прежней улыбки.

---

⁴ Гомстед – участок переселенца. По закону он выделялся бесплатно и не мог быть отобран за долги в соответствии с так называемой «льготой по гомстеду».

Глава 9

Предложение

– Хорошая жизнь, – протянул Малыш, – если кому-то она по душе.
– Да ладно тебе! – с нарочитым оживлением произнес Чэмп. – Самая лучшая, какую я знаю.

– Стало быть, Шей – твой босс?

– Да, Шей – мой босс.

– И что он за человек, по-твоему?

– Отличный парень. Где он только не бывал, а уж знает столько, что ни в одной книге не вычитаешь.

– Честный?

– Ни на грош не обманет.

– То есть лучше не бывает?

– Для меня не бывает! И не любит зря болтать. Не любит попусту тратить время. Заставляет работать до седьмого пота, но и платит исправно.

Кид кивнул:

– Ты, похоже, без ума от него?

– Я? Просто он мне нравится, я так и говорю. Знаешь, Кид, я уже заработал у него не одну тысячу, можешь мне поверить!

– Ну что ж, – проговорил Малыш, – в конце концов, я на него в обиде только за одно.

– За что?

– Как-то раз он отправился из Лос-Анджелеса в Аризону, взял с собой двух лошадей, двух мулов и одного из наших старожиллов – Пита Колемана. Думаю, для Шея тогда настали плохие времена. Во всяком случае, когда он пересек пустыню, с ним был только один мул. Старик Колеман, две лошади и второй мул – все исчезло, словно растаяло в воздухе. Так вот, мне хотелось бы знать, что произошло с Колеманом, а еще больше хотелось бы услышать об этом от самого Билли Шея.

– Так давай вернемся в Драй-Крик и спросим его самого. Скорее всего, на обратном пути у них были неприятности или уж не знаю что. Однако Шей не такой человек, чтобы увильнуть от прямого ответа. Поедем, вот увидишь, он все тебе объяснит!

– Ой ли? – недоверчиво прищурился Кид. – Дело в том, что я только что из Драй-Крика. Пытался поговорить с Шеем, но только из этого ничего не вышло. Мне показалось, что ему не очень-то хотелось беседовать со мной. По правде говоря, он выпрыгнул со второго этажа и пустился наутек, только чтобы избежать этого разговора.

Диксон уставился на собеседника непонимающим взглядом. Вдруг глаза его сузились, а лицо потемнело от гнева.

– Ты хотел пристрелить Шея, верно? – внезапно спросил он.

– Пристрелить? – задумчиво повторил Кид. – У меня нет привычки стрелять в людей. Просто хотел задать ему несколько вопросов. Но мне показалось, что у него вдруг возникли срочные дела где-то в другом месте.

– Ты ненавидишь Шея?

– Ничуть. Просто хотел задать ему несколько вопросов.

– Почему же ты не остался в Драй-Крике?

– А ты остался бы ночевать в логове горного льва?

Чэмп неохотно кивнул.

– Жаль, – проворчал он, – жаль, что ты упустил этот шанс, Кид. На твоём месте я бы все-таки вернулся в Драй-Крик и попытался бы помириться с Шеем. Глядишь, со временем вы и поладили бы. В конце концов, чтобы выжить в этих проклятых местах, надо водить дружбу с Билли Шеем.

– Слушай, будь другом, когда увидишь его, задай ему сам этот вопрос, – попросил Малыш. – В конце концов, это все, что меня интересует. Я бы много дал, чтобы узнать, что произошло на самом деле.

– Подозреваешь, что Шей надул его?

– Надул?! – переспросил Кид. На губах его заиграла мягкая улыбка. – Побойся Бога, Чэмп! Колеману шел седьмой десяток. Кому нужно было надувать старика?

Диксон пристально взгляделся в лицо Малыша и невольно поежился. Ему показалось, что в голосе того прозвучала стальная нота.

– Я ничего об этом не слышал, – проворчал он. – А этот Колеман, он что, твой приятель?

– Колеман-то? Да нет, не то чтобы приятель. По правде сказать, я не так уж хорошо его знал. Как-то раз он накормил меня, когда я подыхал с голоду, вот и все. В другой раз, когда меня уже, можно сказать, хватили за пятки, помог улизнуть. А еще как-то раз спас мою шкуру, когда шайка головорезов чуть было не прикончила меня. Вот, собственно, и все наше знакомство.

Диксон нахмурил брови, помолчал немного и встал.

– Похоже, я понял, что ты имеешь в виду, – сказал он. – Постараюсь выяснить все, что смогу, насчет этого Колемана, а потом дам тебе знать.

– Спасибо, – кивнул Кид, сверкнув белоснежными зубами. – Это очень любезно с твоей стороны, Чэмп.

– Скажу тебе еще одну вещь, Малыш, – добавил Диксон. – Если хочешь сохранить свою шкуру в целости и сохранности, либо уноси отсюда ноги, либо постарайся как-то поладить с Билли Шеем.

– Похоже, он тут все прибрал к рукам, верно?

– Да, он тут все прибрал к рукам, ты угадал.

– Рад это слышать. Надеюсь, нам удастся поладить. Да, передай ему еще кое-что от меня при встрече, хорошо?

– Конечно, с радостью.

Кид поднял голову, и Диксон с содроганием заметил, что на лице его все та же странная, мягкая усмешка.

– Передай, что если я на днях не дождусь от него ответа, то вернусь и вытряхну из него всю правду о Колемане.

– Вытряхнешь?! – удивился Чэмп.

– Да, – подтвердил Кид, – именно так. А коли он не пожелает ответить, отыщу ответ в его сердце или в печенке, если ему так больше нравится. Ну а если не отыщу... Что ж, по крайней мере, накормлю собак досыта. Вот и все, что я прошу передать ему, старина.

Малыш и не заметил, что при последних словах Диксон нахмурился и осторожно отодвинулся. Потом он вдруг вскочил на ноги и ринулся к лошадям. Накинул одной из них седло на спину и вдруг замер, пристально разглядывая подпругу.

В это время Кид неторопливо седлал Дак Хок, уголком глаза украдкой наблюдая за Диксоном. Затем перевел взгляд в ту сторону, куда то и дело поглядывал его приятель, и тоже замер. На вершине холма вдруг что-то ярко блеснуло, будто кто-то забавлялся, пуская солнечных зайчиков. Повернувшись, Малыш перехватил устремленный на него взгляд Диксона.

– Да, – кивнул Кид, все еще улыбаясь, – похоже, у твоего приятеля Шея тут все схвачено. Вон он, старина, на том холме, и, сдается мне, ты ему нужен. Поторопись, пока дает тебе шанс, да не забудь передать ему то, что я просил.

Не ответив, Чэмп одним прыжком вскочил на лошадь. Однако в последнюю секунду, помедлив, натянул поводья и обернулся к Малышу.

– Хочу напоследок дать тебе совет, – пробурчал он, – и это не будет стоить тебе ни гроша. Боюсь, очень скоро ты наживешь себе неприятности, парень. Так что лучше убирайся отсюда подобру-поздорову. Лично я против тебя ничего не имею. Ты, можно сказать, мне всегда был по душе. Поэтому и прошу тебя сейчас – уезжай!

Кид выслушал его. Лицо его по-прежнему оставалось невозмутимым.

– Верю тебе, старина. Напекаешь, что лучше мне убраться прежде, чем ты снова пустишься по моему следу? Верно?

– Можешь считать и так. Ты воображаешь, что знаешь чертову пропасть вещей? Но на самом деле не знаешь ничего, поверь мне. Устроил Шею небольшую встряску и уже возомнил себя Бог знает кем? Только все это ерунда! Он не стал сражаться с тобой, потому что ему не позволила это сделать гордость. Но когда Билл захочет твоей крови, вот увидишь – он будет драться! Только Шей не любит пачкать руки – предпочитает для грязной работы нанимать других. Так что поберегись, Малыш! И прощай! Я и так уже сказал больше, чем нужно. – Он повернул коня, дал ему шпоры и поскакал по тропе, ведущей в Драй-Крик.

Кид постоял, глядя ему вслед. В душе его боролись самые разные чувства: жалость, презрение и нечто вроде сочувствия. Помешкав немного, он вскочил в седло и направился в другую сторону. Малыш ехал медленно, опустив голову, погрузившись в раздумья.

Глава 10

Самоделльная подкова

Дружеское предупреждение Диксона он воспринял всерьез. Спустя полчаса Кид свернул с тропы и двинулся наискосок, то терпеливо взбираясь на холмы, то ныряя в сплошные заросли кустарника, но при этом не забывая внимательно оглядываться по сторонам. Многие занимало его мысли. Но больше всего не давала ему покоя судьба Чэмпа Диксона.

Он знал, что этот человек уже давным-давно стал в здешних местах чем-то вроде живой легенды. Малыш много слышал о нем, и вот, наконец, они повстречались лицом к лицу. И, как это часто бывает, место легенды занял живой человек со всеми своими достоинствами и недостатками. Кид почувствовал, как в душе шевельнулось легкое сожаление, словно великан из сказки превратился в обычного человека.

И в то же самое время он никак не мог выкинуть из головы другое. А что было бы, если бы умница Дак Хок не почуяла приближения этого хитрого и кровожадного, как индеец, Диксона? В том, что тогда случилось бы, у него не было ни малейших сомнений. Скорее всего, Чэмп не упустил бы случая подтвердить свою репутацию парня, который с первого выстрела попадает в бычий глаз. Только мишенью в этот раз был бы он, Кид. Такой уж человек этот Диксон! Живет только ради славы, как сам ее понимает. Но в первую очередь, вдруг догадался Малыш, ему нужны зрители. Вот тут-то он бы из шкуры вон вылез, ринулся бы в заведомо безнадежную схватку, и пропади все пропадом! И не исключено, что вопреки всему вышел бы победителем...

Как ни странно, но от этой мысли на его душе неожиданно потеплело.

Вдруг в следующую секунду кобыла оступилась, захромала, а он кубарем скатился с седла, чтобы посмотреть, в чем дело. А еще через мгновение понял, что произошло, Дак Хок потеряла подкову.

Кид сокрушенно покачал головой. Местность, по которой они пробирались, была изрезана трещинами, тут и там наружу торчали острые зубья скал, так что ехать дальше нечего было и думать. Лошадь без подковы просто не выдержала бы такой дороги. Ведь если даже по каменистой тропе без нее далеко не уедешь, подумал он, то что же говорить о бездорожье, в котором они оказались?

Поразмыслив немного, Малыш вытащил из седельного мешка толстый кусок кожи, ремешок из оленьей шкуры и в мгновение ока соорудил нечто вроде индейского мокасина. Затем натянул его на ногу кобыле и, снова вскочив в седло, направил ее туда, где до самого горизонта вереницей тянулись холмы.

Теперь он ехал более осторожно, внимательно вглядываясь вперед и стараясь выбирать дорогу. Потом круто свернул, спустился в заросшую деревьями ложину. И хотя солнце еще стояло в зените, цепляясь раскаленным диском за вершины высоких гор, здесь, в самом сердце долины, под сплошным зеленым шатром прохладной листвы царил полумрак. С непривычки после яркого солнца Кид заморгал. Бархатная темнота, окружившая его со всех сторон, была настолько глубокой, что вначале он не видел ничего – только далеко впереди слабое мерцание света, такого же тусклого, как отблеск вечерней звезды, появляющейся на небе сразу после того, как раскаленный шар солнца скатывается за горизонт.

К этому свету он и направился, предоставив кобыле возможность самой выбирать дорогу. Казалось, она не хуже хозяина понимала, чем грозит ей потеря подковы, и внимательно смотрела, куда поставить ногу.

Вскоре Малыш увидел впереди слабо мерцающее озеро, на краю которого вырисовывался смутный силуэт дерева. Темная масса кустов, спускаясь вниз, к подножию, покрывала

склон холма, надежно укрыв от любопытных глаз крохотную лачугу, похожую скорее на домик сказочного гнома, чем на человеческое жилище.

Однако, подъехав поближе, он убедился, что на самом деле хижина больше, чем ему показалось с первого взгляда. Рядом с нею был устроен навес для хранения дров, а позади – небольшой корраль. И все же от всего этого не веяло обычным теплом человеческого жилья. Казалось, обитатели хижины так и остались чужими на этой земле, отвоеванной ими среди леса и гор. Одна лишь свобода, которую они получили, поселившись в этом диком краю, все еще удерживала их здесь.

Кид негромко позвал:

– Трейнор! Трейнор!

– Кто здесь? – хрипло гаркнул чей-то голос в ответ.

– Друг.

– Ну так входи, друг!

Дверь распахнулась. Держа высоко над головой горящую лампу, на пороге появился человек. Малыш тронул лошадь каблуками и подъехал еще ближе, так, чтобы свет лампы упал на его лицо.

Высокий чернобородый мужчина с такими широкими плечами, что с легкостью мог бы вскинуть на спину эту жалкую хибарку, пытался разглядеть, кто перед ним. Ему не было и тридцати, но на вид можно было бы дать больше. Страшные морозы зимой и ужасающая жара летом наложили на его лицо неизгладимый отпечаток, печаль и усталость навеки поселилась в глазах.

– Я уж было совсем позабыл, как выглядит твоя берлога, Бад, – улыбнулся Кид.

При звуках знакомого голоса Трейнор поднял лампу повыше и чуть не выронил ее из рук.

– Да это Кид! – шумно выдохнул он.

– Тихо! – зашипел тот и, соскочив с седла, радостно пожал руку хозяина.

– Все в порядке, – заверил Трейнор. – Тут нет никого, только мать с отцом да мой двоюродный брат, но он совсем малыш. Помнишь, я говорил, что собираюсь забрать их из Драй-Крика? Представляешь, Дейви только и рассказывает, что о тебе. Ну, тот самый паренек, которому ты дал покататься на Дак Хок, помнишь? Эй, Дейви! Иди сюда, малый! Посмотри, какой тут сюрприз для тебя!

Мальчишка вылетел на порог. Взглянув на улыбающееся лицо Кида, ярко освещенное светом масляной лампы, он вытаращил глаза и изумленно заморгал. Рот его широко открылся.

– Чтоб я сдох! – проговорил наконец Дейви. – Так ведь это сам Кид! Привет! Вы ведь еще меня не забыли, верно?

– Конечно не забыл, – торжественно откликнулся Малыш. – Такого парня, как ты, старина, я не забуду до конца моих дней. Послушай, Бад, у меня проблема – кобыла где-то по дороге потеряла подкову.

– Прямо на тропе?

– Нет. Если бы так, я бы вернулся и отыскал. У тебя не найдется лишней подковы?

– Было когда-то несколько штук. Где-то валяются, если ржавчина не съела. Поищем, может, и найдем. Эй, Дейви! Там, на стене, помнится, должны были висеть одна или две. Ты ведь еще не забыл, Кид, что у меня за домом кузница? Правильно сделал, что приехал, дружище.

– Да уж, вспомнил о ней, когда до твоей берлоги было еще миль пять-шесть, – признался тот. – Всегда говорил, у человека, который устраивает в таких местах кузницу, с головой все в порядке.

Бад довольно ухмыльнулся:

– Это мой старик придумал. Помнишь, он когда-то мечтал, что станет разводить коров? Вот с тех пор у нас и кузница. Инструмента там – тьма-тьмущая! Можно подумать, папаша

собирался перековать весь скот в округе. А уж планы строил насчет ранчо еще до того, как подал заявку на эту землю. Не поверишь, решил даже вначале поставить мельницу, а уж потом дом!

– Мельницу? Для чего? – удивился Кид.

– Как – для чего? Ты что, шутишь? Зерно молоть!

– Какое зерно, Бад?

– Господи, да разве ты не заметил?! Тут же тысячи акров... целые поля, дружище! И воды хватает. Мы перегородили тот ручей, что в овраге, устроили запруду. Мельница у нас водяная! Да что я тебе говорю – сам увидишь! У моего старика ума палата, скажу я тебе! Куда мне до него! Мне бы только за коровами ходить да муку молоть, а вот думать да решать, в особенности заранее, нет, это не для меня! Но что-то я разболтался! Пойдем, отдохнешь немного.

– Нет, – покачал головой Малыш. – Мне предстоит дальняя дорога. А вот и Дейви с подковами!

Дюжина или две подков были разложены полукругом по земле в бледном круге света от масляной лампы. С первого взгляда Кид отобрал две из них. Повинуясь его команде, кобыла безропотно подняла ногу. Он стащил с ее копыта жалкое подобие мокасины и примерил одну из подков. Она подошла.

– Вот и ладно! – обрадовался Бад. – Как для нее делали!

– Она без подков не может, – объяснил Кид. – Такая нежная, прямо леди! Правда, Хок? Ты уж ради нее постарайся, старина, сделай на совесть, чтобы моей девочке удобно было! Где тут твоя кузница?

В кузнице на насесте сидели куры. Когда хлопнула дверь, они закудахтали и заметались, со стен посыпалась труха, смешавшись с угольной пылью. Слабый свет лампы озарил внутренность убогого сарая.

Мигом в нем собралась вся семья, чтобы полюбоваться знаменитым бродягой Кидом в роли кузнеца. Старый мистер Трейнор занял позицию в углу, готовый в любую минуту дать совет. Юный Дейви схватился за мехи. Бад держал лампу, а его почтенная матушка, с руками, облепленными тестом, и со следами муки на щеках, ласково улыбалась Малышу, подмигивая в знак того, что ужин уже готов и ждет его.

Папаша Трейнор, похоже, был просто не в состоянии держаться в стороне. Когда развели огонь, его руки непроизвольно зашевелились, и он незаметно вытащил откуда-то здоровенный молоток. Внешне старик напоминал косматую, покрытую длинной, нечесаной шерстью овцу, каких полным-полно на западном побережье Шотландии. Спутанная, клочковатая борода покрывала лицо почти до самых глаз. Невероятно яркие и простодушные, они глядели на мир почти с детским любопытством.

– Буду придерживать и бить, а ты, парень, постукивай, только легонько, – проворчал он.

Старик тут же занял свое место, не обращая внимания, что его великан сын заворчал, как недовольный пес:

– Оставь это, не мешай, слышишь? В конце концов, Кид и сам прекрасно справится, без твоей помощи!

– Подкова должна быть пригнана на славу, иначе грош ей цена! – словно не слыша, продолжал старший Трейнор. – Вот увидишь, парень, мы твою кобылу на славу обуем, подковку подгоним – залюбуешься!

– Ага, и провозимся всю ночь, – мрачно прокомментировал сын.

– Лучше до ночи провозимся, зато сделаем на славу, – ворчливо возразил отец. – А скоро только кошки родятся!

– Ну все, конец, пошел сыпать своими поговорками! – буркнул тот себе под нос. – Теперь его не остановить, слышишь, Кид? Разве что молоток отнять?

Малыш промолчал, а вместо недовольства на его лице появилось откровенное восхищение. Он с любопытством разглядывал заросшего бородой старого поселенца, словно пытался прочесть увлекательную историю его жизни.

А тот, воспользовавшись тем, что про него на время забыли, тщательно пригонял подкову. Он и впрямь работал не спеша, но на диво точно и изящно. Даже когда Кид объявил, что все отлично и уж теперь подкова непременно подойдет, старик продолжал упрямо постукивать молотком. Пот тоненькой струйкой стекал у него по лицу и капал с кончика носа, глаза светились.

– Нахалтуришь – пиши пропало! – заявил он. – Проглядишь щелочку – глядь, а дьявол уже тут как тут, словно ты дверь не закрыл!

– Оставь его! – прошептал сын. – Раз начал, теперь его не оторвешь. Предупреждал ведь тебя! Вот так всегда. Стоит ему что-то начать – пиши пропало! Будет возиться без конца, пока терпение не лопнет.

А старик продолжал ласково то так, то этак постукивать по подкове, без конца ее переворачивая, потом, оглядев со всех сторон критическим взглядом, вновь брался за работу. Наконец, окунув подкову в холодную воду, шел к кобыле, а та, сообразив, что от нее требуется, послушно поднимала ногу и подставляла копыто.

– Ох, – обратился страшный Трейнор к Киду, – скажу тебе одну вещь, парень. Даже если у тебя ума палата, все равно не грех и дурака послушать. А вот этого-то мой сынок как раз и не умеет. Я вот неудачник, честно признаюсь, самый настоящий неудачник. Всю жизнь и он, и мы с матерью из-за этого прожили в лачуге. Да уж, тут мне гордиться нечем. И я стыжусь, да-да, стыжусь! Но одно могу сказать – я всегда ел честно заработанный хлеб...

– Да замолчишь ты, наконец? – взорвался сын так яростно, что Дейви с перепугу уронил мехи и юркнул в самый дальний угол, откуда вытаращенными глазами следил, что же последует дальше.

Кид успокаивающе помахал ему рукой, ничуть не сомневаясь, что ярость Бада вызвана лишь желанием пощадить его, Малыша, гордость.

– Все в порядке, – заявил он, – в конце концов, всему миру известно, что я самый обыкновенный грабитель. Вы меня ничуть не задели, папаша.

Старый Трейнор качнулся к нему и опустил на его плечо тяжелую, натруженную руку.

– Хороший ты парень, – пробормотал он. – Уж поверь, сынок, не хотел ни словом, ни делом тебя обидеть! И ведь знаю, что есть на свете такая вещь, что ранит сильнее, чем нож или пуля! Это – злой человеческий язык! – Он смущенно провел тыльной стороной ладони по лицу, потряс головой и снова вернулся к злополучной подкове.

– Очень мило с твоей стороны, – буркнул Бад, обращаясь к отцу. – И вот так всегда. Вечно ляпнешь что-нибудь неподходящее, а потом не знаешь, куда глаза девать.

– Я, кажется, уже извинился за все, что сказал, – терпеливо ответил тот. – Чего бы тебе еще хотелось, сынок?

– Чтобы ты попридержал язык – вот это было бы самое лучшее! – рявкнул тот.

Кид удивленно вскинул брови, потом неловко опустил глаза.

А старый Трейнор, не ответив ни слова, в последний раз помог кобыле поднять ногу и, приложив подкову к гладкой поверхности копыта, принялся аккуратно и осторожно орудовать большим ножом, громко сопя, будто боялся, что если нажмет сильнее, то брызнет кровь.

– Угу, – ворчал он, – попридержат язык, как же! Нет, ты только послушай их, этих умников! Небось гребут деньги лопатой, носят шикарные тряпки, и лошади у них такие, что закачаешься! Толстосумы проклятые! А старый Трейнор чуть что – попридержи язык! И все только потому, что у него в кармане – мышь на аркане! Вот и пусть молчит в тряпочку! Не хочет, так пусть болтает в лесу с белками или там, скажем, с курами на заднем дворе! А чтобы потолковать как мужчина с мужчиной – ни-ни!

Так он бормотал себе под нос, ни на секунду не прерывая своего дела. Наконец потянулся за гвоздями и окончательно приделал подкову – все это с такой же тщательностью и осторожностью.

– Хороший кузнец за то время, что ты делал одну подкову, уже подковал бы лошадь на все четыре копыта! – ухмыляясь, но добродушно проговорил Бад.

И тут вмешался Кид.

– Только это вряд ли мне понравилось бы, – заявил он. – Тут ведь спешка не главное, верно? Моей Хок только самые лучшие подковы подходят! Так что спасибо вам огромное, папаша!

Старший Трейнер улыбнулся ему по-детски простодушной улыбкой, и Малышу показалось, что из-за облаков выглянуло солнце.

– Да уж, – усмехнулся старик. – Кто привык к бриллианту – тому медяшки не надо. Ты меня правильно понял, сынок. Есть, конечно, и такие, у кого в руках все горит! Только ведь как оно бывает: поспешишь – людей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.